

ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ 1867 г. Часть 135

ОБ УЧИЛИЩАХ АЛЕКСАНДРОВСКАГО УЕЗДА И МАРИУПОЛЬСКОГО ОКРУГА.

(Доклад Александровскому уездному училищному совету члена его, барона Н. А. Корфа).

Избранный в члены Александровского уездного училищного совета, 7-го апреля 1866 года, я не считал себя в праве приступить не только к ревизии училищ, но и к собиранию сведений о них, на месте, до тех пор, пока не последует официальное извещение об открытии совета, в котором я занимаю место, по назначению земского собрания. Такое уведомление последовало лишь весною текущего года. 20-го февраля этого года получил я отношение Александровского уездного исправника, от 2-го февраля 1867 года, с приложенною к нему копию с предписания начальника губернии, об открытии училищного совета. Г. исправник, проектируя первое заседание на 12 или 19-е февраля, просил меня уведомить его о том, когда, по моему мнению, всего удобнее открыть первое заседание совета. Я имел честь отвечать ему, что, по моему мнению, первое заседание совета не должно ограничиться избранием председателя, но должно быть первым распорядительным заседанием совета, которым определятся программа его будущей деятельности; определение же этой программы я считал в свою очередь невозможным без некоторого, хотя бы и неполного, знакомства с училищами; а потому просил о назначении заседания на 15-е мая; впоследствии же, по соглашению г. исправника с членами совета от земства, — на 24-е апреля

.... Что касается того, по какому плану расположить мою поездку по училищам, то я старался посетить хотя бы по несколько школ каждого из существующих у нас разрядов училищ; таким образом предстояло получить понятие о школах у временно-обязанных крестьян, о штатных, частных и церковно-приходских училищах в селениях государственных крестьян, о школах в колониях менонитских, католических и лютеранских, о греческих школах, наконец, о положении этого дела у еврейских поселенцев я в станицах бывшего Азовского казачьего войска. Желая достигнуть этих целей я посетил: 1) 6 школ крестьян временно-обязанных, или крестьян-собственников, а именно в селениях Орестополе, Андреевке, Александровке, Екатериновке, Времьевке и Майорском; 2) 5 штатных училищ министерства государственных имуществ, а именно в селениях: Гавриловке, Павловке, Михайловке, Александровке и Николаевке; 3) 8 церковно-приходских школ, открытых духовенством или обществами, в которых духовенство преподает или безвозмездно, или за вознаграждение от сельского общества, а именно в селениях: Дибревке, Ивановке, Санжаровке, Успенровке, Константиновке, Благодатном, Крестовке и Темрюке; 4) 5 школ в колониях менонитов, а именно, в Фридрихстале, Шентале, Бергтале, Гейбуде и Шенфельде; 5) 2 школы в колониях католических, а именно, в Ямбурге и Эйхвальде; 6) 4 школы в колониях лютеранских, а именно, в Рундевизе, Грунау, Кронсдорфе и Людвигстале; 7) 6 школ греческих поселенцев, а именно в селениях: Комар, Большой-Енисоль, Малый-Енисоль, Мангуш, Керменчук и в городе Мариуполе. Наконец, об отсутствии всяких школ в станицах бывшего Азовского казачьего войска я убедился из сведений, собранных мною в станице Никольской у казацкого полковника Дьяченко, и об отсутствии школ у Евреев из слов г. инспектора колоний,

Демочани. Следовательно, всего осмотрено мною 36 школ, и о каждой из вышепоименованных школ составлена

.... 4. Начальные школы в немецких колониях меннонитов, католиков и лютеран.

Школы в немецких колониях существуют, в большинстве случаев, с основания колоний— с 1823 по 1843 год, содержатся на счет сельских обществ и состоят в ведении колониального управления, подчиненного министерству государственных имуществ, и под непосредственным надзором пасторов, патеров и церковных старост. Желая ближе ознакомиться с устройством школ в немецких колониях, я старался узнать те законы и постановления, которыми оно определяется. Оказалось, что к лютеранским и католическим колониям Александровского уезда применяется Высочайше утвержденный устав для Саратовских немецких колоний, помещенный в XII т. Свода Законов. Кроме того нашел я в училище колонии Грунау, напечатанное на немецком языке, предложение министра внутренних дел евангелическо-лютеранской генеральной консистории, от 10-го марта 1840 года, которым устанавливаются правила для первоначальных школ. Наконец, в Бергтальском окружном приказе нашел я правила для школ меннонитов, также на немецком языке; имею честь представить училищному совету сделанный мною русский перевод с двух последних документов Сведения, почерпнутые мною из показанных источников, я дополнял расспросами у местных колонистов, беседою с местными пасторами, наставниками и г. инспектором колоний, Демочани, и личными наблюдениями в 11-ти школах. Считаю своею обязанностью представить результат всех этих исследований на благоусмотрение Александровского училищного совета.

У немецких колонистов школа служит для приготовления к принятию святых тайн, по достижению пятнадцатилетнего возраста; отсюда вытекает, установленная не только местным обычаем, но и русским законом, обязательность обучения и непосредственное влияние духовенства на школы. В § 5 правил для лютеранских колоний предписано, чтобы каждый отец семейства посылал в школу от начала октября до конца марта тех из своих детей, воспитанников, слуг или учеников, которым минуло 7 лет. По §§ 9 и 12 родители, опекуны или воспитатели платят по 3 к. с. штрафа за всякий день, пропущенный ребенком, обязанным бывать в школе. По правилам, изданным для меннонитов в 1850 году (§§ 14 и 6), дети обязаны посещать училище от шестилетнего до четырнадцатилетнего возраста, и главы семейства, нарушившие закон, платят 5 к. с. штрафа за всякий раз и за всякого ребенка. В случае несостоятельности родителей или опекунов, они, во всех колониях, вместо уплаты штрафа, отдаются на общественные работы. Везде существуют особые книги для отметки не явившихся учеников, прихода и расхода штрафных денег. Я подробно рассматривал такую книгу в колонии Грунау (№ 6-й); по этой книге высчитывал я, что с 1855 по 1867 год поступило всего 7 р. 55 к. сер. штрафных денег, и теперь на лицо в кассе 11½ коп. сер. между тем в колонии Грунау, при населении в 266 ревизских душ, бывает зимою до 120-ти учащихся. Ничтожество штрафной суммы не должно, однако, слишком прельщать нас; если и правда, что в колониях, благодаря угрозе закона, число учащихся вдесятеро более числа учащихся в огромном большинстве русских селений, то сь другой стороны справедливо и то, что в колониях Эйхвальде и Ямбурге жаловались мне на нерадивое посещение школы и что патер Гемтила говорил мне, что только со вступлением в должность настоящего инспектора, г. Демочани, стали взыскивать законом установленные штрафы. У меннонитов я вовсе не слышал об уклонениях от обязательного посещения школ. Во всяком случае достоверно то, что если цель обязательного обучения состоит в том, чтобы дети сидели в школе, то эта цель достигается: в большинстве колоний дети исправно высиживают в школе по шести месяцев в году, 8 лет сряду. По § 2 правил для лютеранских и католических колоний, духовное лицо обязано бывать

в школе той колонии, где оно живет, еженедельно, а в прочих колониях прихода не менее одного раза в два месяца. На практике этого не соблюдается; по крайней мере, я узнавал о несоблюдении этого закона повсеместно, без всяких расспросов с моей стороны. Пасторы и патеры экзаменуют учителей, и без соизволения их никто не может быть приглашен наставником в школу, содержащаяся на общественный счет, и никто из наставников не может быть сменен обществом; беседы с знакомыми из колонистов доказали мне, что колонисты находят этот закон, ныне отмененный положением о народных училищах, стеснительным для сельских обществ и вредным для дела. Правда, что еще в прошлом году г. председательствующий Одесского попечительного комитета об иностранных поселенцах южной России, быв в колониях, лично объявлял о том, что всякий колонист, или всякое общество, в праве открыть частную школу, основываясь, вероятно, на положении о народных училищах; но с другой стороны, до сих пор еще существует закон, в силу которого колонистское общество не в праве выстроить общественного здания, в том числе и школы, не испросив всякий раз разрешения из Одессы. Справедливость требует, однако, сказать, что почти во всех, посещенных мною, колониях постройки для училищ очень хороши, почти всегда из жженого кирпича, хотя и не всегда достаточно просторны при большом числе учащихся. Наставники в немецких колониях очень различны: у меннонитов не встретил я в числе наставников никого, кроме местных колонистов, получающих от 60 до 70 р. сер. денег около 10 четвертей хлеба, и пользующихся шестью десятинами земли. В округе Грунау познакомился я с воспитанником Вюртембергской учительской семинарии, г. Карром, получающим за преподавание в школе Грунау 170 р. сер., и как органист, 120 р. сер. Говоря о содержании наставников в немецких колониях, не следует упускать из виду, что всякий наставник есть в то же время и сельский писарь и помощник пастора, который может дать ему полномочие на совершение таинства крещения и похорон; на нем же лежит обязанность всякое воскресенье, после обеда, объяснять детям катехизис. Такого жалованья, как в колони Грунау, не платят нигде из тех колоний, которые я видел, а 70 р. сер., выдававшие в других школах, нельзя не признать чрезвычайно скудным содержанием, и от учителей с таким содержанием таким разнообразием обязанностей нельзя ожидать надлежащих результатов. Учитель в колоши Грунау знает свое дело, но до сих пор мало успел принести пользы, потому что имел на руках 120 учеников и много других занятий, сверх учительской обязанности. Из прочих 10-ти учителей, которых я видел, ни один не обладает большими сведениями, чем воспитанники старшего класса уездного училища; можно даже смело сказать, что лица с такими познаниями составляют меньшинство, а большинство стоит гораздо ниже и этого уровня. Для того, чтобы дать Александровскому училищному совету,— который издали, быть может, также прельщался просвещением немецких колоний, как и я, — понятие о развитии сельских учителей в колониях, я приведу несколько примеров, достоверность которых могли бы подтвердить многие из колонистов, так как при всех, произведенных мною, испытаниях присутствовали всегда шульцы и многие колонисты, иногда бейзицеры и окружные января; в Грунау г. инспектор колоний сделал мне честь присутствовать при экзамене. Буду держаться хронологического порядка в перечислении примеров: 1) В колонии Фридрихсталь спросил я учителя, читает ли 2-й класс Евангелие? Он отвечал мне: „нет, Новый Завет“. Гласный Гиберт, бывшей при этом, объяснил такой странный ответ тем, что учителя привыкли называть Евангелием рассказы, которые прежде читались в школах. 2) В колонии Шенфельд спросил я учителя, какой педагогической цели думают достигнуть, заставляя детей читать хором? Он отвечал мне, что не знает, но что так всегда делалось. 3) В колонии Ямбург я просил учителя К., окончившего курс в Саратовской учительской семинарии, указать трех лучших учеников по арифметике; когда, по испытании, оказалось, что они никакого понятия об арифметике не имеют, и я спросил, объясняли ли детям то, о чем я предлагаю вопросы, то учитель отвечал, что объясняли неоднократно, но дети не поняли. 4) В колонии Кронсдорф колонист Шредер передал мне, что учитель Ш., ожидая моего приезда, говорил детям: „Приедет большой барин с большой палкой, и если вы не будете смиренно сидеть, будет бить вас“. 5) В колонии Берггаль учитель сказал, что ученики пишут числа до миллиона, а на поверку оказалось, что он сам

такого числа не напишет. Я отнюдь не позволю себе утверждать того, что все учителя похожи на тех, которых я старался очертить выше; я еще раз напомним о том, что просвещенному содействию учителя Карра обязан многим; добавлю к этому, что от пастора Рейнбаха слышал я, что в колонии Кампенау преподает воспитанник Вюртембергской учительской семинарии с большим успехом, но в колонии Кампенау я не бил, а в тех 11-ти колониях, которые я посетил, развитые и знающие наставники составляя весьма редкое исключение. Будущее покажет, таковы ли наставники в других колониях.

Желая составить себе понятие о тяжести налогов, которыми покрываются расходы на вознаграждение учителя и прочие училищные надобности, я старался ознакомиться с тем, как совершается раскладка училищной суммы. В Грунау, от т. Карра и гласного Штаха, присутствовавшего при испытании учеников в трех колониях, узнал. Я, что хозяин в Грунау, то есть, обладатель 60 десятин, платит на училище в год около 3 руб., или 5 коп. с десятины, и кроме того доставляет топливо и участвует в прочих натуральных повинностях в мольву училища. Особый налог в 28 коп. с души платят безземельные колонисты, но они освобождены от натуральной повинности в полизу школы. Наконец и хозяева я безземельные платят за всякого обучающегося ребенка, сверх вышеозначенных податей, по 76 коп. в год. Принимая во внимание, что в Грунау 27 хозяев и что собирается в школу до 120 детей, и считая на каждую семью хозяина только по 2 обучающихся ребенка круглым счетом, хозяину приходится платить до 7 коп. с десятины земли в пользу училища. Нельзя не признать, что в колоши Грунау, где вознаграждение учителю приличное, же ничтожен и налог. Теперь остается рассмотреть, что покупалось до сих пор колонистам ценою их жертв в пользу училища не в одной колонии Грунау, но в тех 11-ти колониях, которые я видел.

В каком положении школы в колониях, говоря вообще? Те школы, которые я видел, произвели на меня самое грустное и тяжелое впечатление; таково было, по крайней мере, общее впечатление; я не говорю о частностях, о которых упомяну ниже. Начать с того, что почти ни в одной колони нет никаких учебных пособий, принадлежащих школе. В колонии Грунау принадлежит школе 1 экземпляр катехизиса; не только книг нет в колониальных школах, мною осмотренных, но нет даже переносных классных, черных досок. В лютеранских колониях нет даже прописей; учителя вынуждены писать прописи на лоскутках бумаги, и счастливы ученики, если учитель обладает почерком, достойным подражания. У меннонитов большой выбор прописей, и не этим ли объясняется то, что ученики менонитских школ пишут вообще красиво. Во всех колониях дети приходят в школу с своими книгами: младший класс с катехизисом, или фибелем (тотчас же объясню), 2-й класс с Евангелием и 3-й с Библией; никаких иных книг, для чтения в школе или дома, не существует.

"фибелем" (Fibel) колонисты называют молитвенник, первая две страницы которого занята азбукой и складами, а на последней изображен красными типографскими чернилами петух огромных размеров. Этот, так- называемый, букварь, изданный в 1795 году, изображает петуха как символ раннего вставанья и прилежанья родители, определяя ребенка в школу, кладут в книгу копейку, говоря ребенку, что ее принес петух, и в последствии награждают детей за прилежание копейками, приписывая появление их в книге действию петуха. Этот букварь называется старый „фибель,

теперь в округе Грунау начинает входить в употребление новый фибель, то есть, хороший букварь, в 28-ю таблицами, вывешиваемыми на стене, изданный в Одессе в 1662 году. Этот новый букварь видел я в колонии Грунау, но таблицы на стене видел только в Людвигетале, в приходе пастора Рейнбаха, где я встретил и единственную подвижную, классную, черную доску и видел кроме того русские счеты, о которых пастор Рейндбах сказал мне, что они повсеместно в употреблении в первоначальных школах Вюртемберга. Даже не во всех немецких колониях у учеников одного и того же класса однородные книги: в Ямбурге и

Эйхвальде, точно также как и в русских беднейших школах, каждый ученик имеет не ту книгу для чтения, что сосед его, хотя и состоит с ним в одном классе. Там, где книги одинаковы для целого класса, часто читают хорошо. В Шенфельде, прослушав такое чтение хоров, похожее скорее на отрывочное и однообразное пение, чем на чтение, я просил человек 7 из лучших учеников чтоб они мне сказали, о чем они читали, а прочитано было хором 3 строки; но, к крайнему удивлению учителя, никто из учеников ничего не мог рассказать. Грустно и тяжело было убедиться мне в том, что из 11-ти колоний только в четырех: Гейбуде, Грунау,- Эйхвальде и Людвигетале некоторые из лучших учеников, лет по 7 посещающие школу, могли сказать мне, о чем они читали, прочитав три строчки из книги, доступной семилетнему ребенку. В колонии Грунау рассказали немногие; в колонии Людвигетале большинство учеников старшего класса отдали отчет в прочитанном, потому что, по распоряжению пастора

Рейнбаха дети не учат наизусть священную историю, а привыкли передавать прочитанное своими словами, чего нет в остальных колониях. Впрочем, я давал читать на столько легкие вещи из детской книги Гофмана для младшего возраста (*Das bunte buch*), что ребенок, сколько-нибудь уцелевший от притупления машинальностью преподавания и сколько-нибудь не запуганный, легко мог бы размазать прочитанные им две строки. Это доказала школа в Эйхвальде, учитель которой недалек в своих познаниях, но с любовью обходясь с учениками, приучил их отвечать без робости и мыслить. При испытании учеников г. Вальтера в Эйхвальде присутствовали гг. Каррь, Штахъ и Шредеръ и они видели, что один мальчик и несколько девочек чрезвычайно бойко и непринужденно рассказывали прочитанное, говорили весьма почтительно, но без малейшей робости. После такого опыта те самые лица, которые прежде уверяли меня в том, что немецкие дети более робки, чем русские и что в колониальных школах так дурно отвечают потому только, что дети робеют, теперь убедились в том, что привитие робости и принужденности к ребенку зависит только от учителя и что развитый ребенок на столько может не оробеть, чтобы отвечать на вопрос, обращенный не к памяти, а к мышлению. Большинство учеников школы в Эйхвальде оказались чрезвычайно отсталыми, но г. Вальтер журналом своим доказал, что мальчики и девочки, постоянно его посещающие, развиты и очень подвинуты, сравнительно с другими немецкими школами

В остальных школах, кроме названных выше, ни один ученик не мог отдать отчета в двух прочитанных строках. Когда читал кто-нибудь из учеников, по моему приглашению, то я старался возбудить внимание В читаемому во всей школе; по прочтении роковых двух или трех строк, читавший эти строки не мог сказать, о чем он читал, а сосед, слушавший его, развязывал совершенно правильно. На столько дети приучены к механическому, бессознательному чтению, и это дети 13, 14 и 15-ти лет, по 5, 6, 7 и 8-ми лет посещающие школу. Даже успехи в механическом чтении далеко не соответствуют той исправности, с которой в большинстве колоний, благодаря штрафам, посещается школа. Так в Кронсдорфе, у учителя Ш., застал я пятнадцатилетнюю девушку, которая едва читала, и видел учеников, по 3 и по 5-ти лет посещающих школу, которые также едва читали; в Фридрихстале застал я пятнадцатилетнего мальчика, весьма плохо читающего; в Шентале, Бергтале, Ганоудъ и Кронедорфъ ученики учившиеся одну зиму, могли читать склады только по своей книге, а в другой книге не знали складов; в Ямбурге нашлись ученики, которые за целую зиму еще не Выучили букв, между тем в Грунау, у учителя Карра, видел я 5 учениц, только одну зиму посещавших школу, и одна из уже могла читать, а остальные четыре читали хорошо по складам.

Что касается умения писать, то я уже упомянул о том, что в меннонитских школах почерк хорош, но неразвитее учеников и тут мешает. Так, например, в Фридрихстале диктовал я ученикам, требуя от них, чтоб они не начинали писать, пока я не произнесу всего предложения, и за тем писали бы не те слова, которые слышали, но лишь бы старались передать то, что поняли.

Я диктовал: „я люблю зиму, потому что можно на санках кататься, и люблю лето, потому что тепло". Писали 12 лучших учеников, и нашлось среди их 4 таких, которые не могли передать слышанного; в Бергтале не совладали с этой мудрой задачей из 7 писавших лучших учеников — 3, в остальных школах писали изрядно, а в Грунау 24 ученика написали очень хорошо. Учитель Карр в Грунау упражнял детей в том, чтоб излагать письменно изустные рассказы его о домашних животных; старшие ученики написали, при мне, об овце и её пользе для человека очень удовлетворительно.

Арифметика преподается во всех немецких школах, но находится в самом жалком состоянии. Из 11-ти немецких колоний только в трех можно было заметить в детях попытку мыслить при счете. Так, в Гейбуде сын тамошнего шульца представляет, к сожалению, редкое исключение: он соображает и понимает 4 действия арифметики. В Грунау очень слабы дети в нумерации, но видно, что их упражняли в арифметических задачах; в Эйхвальде ученики отвечали недурно, и хотя ошибались, однако убедили меня в том, что им преподавал толково г. Вальтер и что они привыкли думать. Но что делается в остальных школах? Я спрашивал везде только трех, или четырех лучших учеников, по рекомендации учителя, и смело могу сказать, что ни один из 20 или 25-ти спрошенных лучших учеников не имел никакого понятия об арифметике; вот какие задачи ставили их в тупик: я купил 3 курицы, 5 кур и 8 кур, зарезал 3 курицы; сколько у меня кур? Я не требовал от них, чтобы они делали задачу, но только, того, чтобы сказали, как ее сделать. Между тем во всех школах преподается арифметика, то есть, старший класс умеет сложить, вычесть, умножить и разделить механически, совершенно бессознательно и без малейшего применения арифметических знаний к жизни. По отзыву большинства учителей, девочки отстали от мальчиков в письме и счете; обращаю при этом внимание совета на то, что в колониях нет училища без девочек, и часто их очень много; этого вовсе почти не встречается в русских училищах. Если же позволить себе вообще сравнение между теми 11 немецкими школами, которые я видел, и 26 русскими и греческими школами, мною осмотренными, то немецкие школы не придется поставить не только в высший разряд училищ Александровского уезда, но большинство их даже и не в средний. Если при этом взять в соображение достаток немецкого колониста и бедность русского крестьянина, то заключение о немецких школах будет еще грустнее, что вполне сознает прогрессивное меньшинство среди немецких колонистов, энергически вооружающееся против недостатков школы и в пользу преобразования их.

Эти преобразования должны коснуться прежде всего самого существенного недостатка школ немецких колоний, как и заявляли гг. гласные от колоний в земском собрании, именно того, чтобы в немецких школах обучали не только немецкому, но и русскому языку. До сих пор не сделано в этом отношении ничего в тех 11-ти колониях, которые я видел, несмотря на то, что Одесский попечительный комитет предписывал обратить внимание на этот предмет. Еще 10-го мая 1860 года Одесский попечительный комитет выслал во всякую школу по 1-му экземпляру нот народного гимна „Боже, Царя храни", предписывая петь этот гимн по-русски в тех школах, в которых обучают пеню. 18-го июня прошлого 1866 г., комитет предписал: „Обязать учителей сельских школ, чтоб они посвящали непременно один или два часа в день обучению детей русской грамоте". Это распоряжение осталось неисполненным, потому говорят, что нет учителей, знающих по-русски. Правда, что я таких учителей не встретил в Бергтальском округе, но там же, в Бергтале, окружной писарь заявлял мне что он охотно преподавал бы русский язык, если бы ему дал помощника в окружную канцелярию. Менонитское общество, впрочем, уже приняло меры: в прошлом году отправлено обществом 3 ученика в Хортицкое центральное училище собственно для того,

К Сожалению дальше отсутствует одна страница

... Я не упоминаю в этом отделе о преподавании арифметики в немецких колониях, так как я уже в предыдущей части доклада подробно описал, в каком грустном состоянии находятся этот предмет в немецких школах, в числе которых я не встретил ни одной, где бы арифметика не преподавалась, и почти ни одной, где бы имели о ней хоть какое-нибудь понятие. О введении учебных пособий в немецких колониях я также не говорю, потому что полагаю, что непосредственное подчинение школы духовенству так укоренилось у Немцев с давностью времени, что осторожнее было бы снестись предварительно по этому предмету с местными пасторами. Это тем необходимее, что мое даже непродолжительное знакомство с немецкими колониями дало мне случай убедиться в необыкновенном ослеплении массы колонистов. Так, я слушал из достоверного источника, что когда пастор Гейнбах заменял старый фибель новым фибелем, то некоторые сельские общества относились к нему, как к антихристу; на мой вопрос, в одной из менонитских школ, не полезно ли будет, если земство вышлет новые буквари, мне отвечали, что с „такими вещами” нужно быть чрезвычайно осторожным.

... К этому докладу были присоединены докладчиком следующие приложения: ... б) Правила о посещении и управлении школ в колониях менонитов.

... Общие правила для школ Менонитов (1-го Февраля 1850 года).

Все учителя должны быть договариваемы, каждый раз, в январе месяце; позднейшие прошения не будут приняты во внимание.

Без ведома Ферейна никакой учитель не может быть удален селом, равно как и учитель не может отказаться от своей службы.

Шульц — ближайший наблюдатель за учителем И кроме его никто не имеет права мешаться в дела, касающиеся школ. В Хумиртале здесь входит в силу утвержденный контракт, где особенный школьный смотритель исполняет свою обязанность.

Если учитель имеет неотложную надобность отлучиться из школы, то для этого нужно позволение или шульца, или смотрителя, а иначе этого не должно быть, о чем, должно быть отмечаемо в реестре.

Учитель должен представлять шульцу о посещении школы детьми список каждый месяц, по предназначенной форме, где первый должен сделать нужные замечания.

Причины непосещения детьми школы шульц должен расследовать ежемесячно или же немедленно, в случае извещения, и принять все меры к тому, чтобы не было ненужного прогула в школе, или чтобы виновный платил пять копеек сереб. штрафа.

Если будет позволено учителям менять школы, когда особенная причины на то вынудят, или произойдет от этого улучшение, в таком случае учителя своевременно письменно о том ходатайствуют.

Каждый, вновь назначаемый, учитель испытывается Ферейном, соответствует ли он его требованиям; он должен по крайней мере, иметь любовь и охоту к учительскому делу, и если не обладает познаниями, то должен, по крайней мере, быть способным к приобретению их.

Если шульцу, вследствие уважительной причины, дозволяется уволить учителя, то он должно заменить его другим.

О всяком новом строении для школы должен быть представлен план фереину, который следит за тем, чтобы помещение соответствовало потребностям.

В религиозном отношении школы подчинены церковному конвенту, а законоучителя, как и прежде, обязаны ежегодно экзаменовывать в школах.

О начале и конце летних каникул учителя должны всякий раз в точности известят шульца.

Для чтения в школах введены особые библейские исторические книги, которые обязательны для каждой школы. Ручной букварь запрещен.

Дети должны посещать школу от 6-летнего до 14-летнего возраста.

Все пособия для письма приобретаются на счет села, а издержки разлагаются на всех учащихся; такое устройство составляет не только большое облегчение для учителя и важное пособие к достижению истинной цели школы, но и допускает, для родителей учащихся, уменьшение расхода.

ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ **Январь 1869г. Часть 141**

ОТЧЕТ О НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ III-го УЧИЛИЩНОГО УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА ЗА 1867/68 УЧЕБНЫЙ Год.

(Доклад Александровскому уездному училищному совету).

Александровский уездный училищный совет открыт 24-го апреля 1867 года, и тогда же поручено мне советом наблюдение за состоянием начальных народных училищ третьего училищного участка уезда. В составе вверенного мне училищного участка входят 3-й мировой участок, 5-й мировой участок, 2 волости 4-го мирового участка, Мариупольский и колониальный округи. Ведомость о пространстве и населении III-го училищного участка, составленная на основании данных, собранных земскою управою, некоторых печатных источников и расспросов на местах, показывает, что III училищный участок, простираясь на 847.780 десятин, составляет более половины всего узда и в 149 поселенных местностях (не считая многих хуторов), с крестьянским населением, вмещает 65.331 ревизских мужеского пола душ. Если исключить немецкие колонии, во многих отношениях представляющие особенности, то останется в участке 117 русских, и греческих селе с 68.777 ревизскими душами...

...Говоря о числе школ во вверенном мне участке, я исключал до сих пор немецкие колонии, число школ которых не может изменяться, так как по закону не может быть колонии без школы. Не возвращаясь к вопросу об обязательности обучения в немецких колониях, обстоятельно рассмотренному мною в прошлогоднем отчете, я скажу, что и в колониях предстоит совету обширное поприще деятельности относительно увеличения числа школ. Дело в том, что до сих пор русские подданные немецкого происхождения пользовались лишь немецкими школами; а: им нужны школы русские, то есть, им нужно ознакомление с языком той страны, благоденствиям которой они обязаны своим благосостоянием, не менее чем и своему трудолюбию. Посвящая этому существенному вопросу особую главу в отчете, я счастлив, что теперь же, когда идет речь лишь о статистической стороне дела, я могу доложить совету, что в прошлом году ни в одной колонии не преподавался русский язык, а в настоящее время уже существуют 4 русские школы в колониях, в которых на немецком обучают лишь два раза в неделю, по два часа; кроме того в 5 других немецких колониях происходит преподавание русского языка, впрочем оставаясь там еще предметом второстепенным. Всего русских в немецких школах в колониях 36, которые также все без изъятия мною осмотрены...

...18. В немецких колониях закон на 8 лет замыкает девочку в школу; у Русских же и Греков еще не доросла женщина в глазах народа до того, чтобы ее стоило учить грамоте. Я буду иметь честь остановить на этом предмете внимание

3. Русские школы в немецких колониях.

С тех пор, как существуют немецкие колонии в Александровском уезде, то есть, за 46 лет времени, только в первый раз уместен в труд о начальных народных училищах вообще отдел под таким заглавием: „русские школы в немецких колониях" До открытия нашего училищного совета не только не было ни одной русской школы у немецких поселенцев, но ни в одной колонии не было ни одного, ученика, которого обучали бы на русском в настоящее время, за зиму 130 учащихся обоюга пола обучены русской грамоте: это еще не много, но уже что-нибудь. В особенности отрадно для меня сознание, что русская грамотность прививается у наших немцев не по приказу, не насильственно, но исключительно по собственному их желанию, которому содействует училищный совет. Во введении к отчету, говоря о числе школ III-го участка вообще, я уже имел случай упомянуть о числе русских школ у немецких поселенцев, теперь предстоит рассмотреть подробнее этот вопрос, так как успехом дела на этом пункте, быть, может лучше всего доказываться, что учреждением училищных советов, то есть, допущением самого общества в недоступное до сих пор святилище школы, достигается не только частное, но и государственное благо.

Совету известно, что первое слово о необходимости для Немцев знакомства с русским языком сказано в Александровском уездном земском собрании гласным Штахом; тогда еще не существовало училищного совета, который, немедленно по открытии его 24-го апреля 1867 года, обратил особенное внимание на этот предмет. Пригласив в селении Покровском преподавателем для русской школы в Грунау В. К. Неймана и снабдив его учительским свидетельством, совет предложил ему отправиться в Грунау, в ожидании, что само сельское общество колонии поспешит организовать дело. Между тем 14-го октября 1867 года застал я

в чрезвычайно неудобном помещении старой немецкой Грунауской школы г. Неймана с 23-мя учениками, но дело еще не получило никакого правильного устройства. К чести г. Неймана должно отнести, что преподавание его в течение трех недель до моего приезда успехами детей уже несколько зарекомендовало русскую школу впервые появившуюся в немецкой колонии, и этим самым облегчило переговоры мои с сельским обществом колонии. Для осуществления первой русской школы предстояло преодолеть трудности двоякого рода: 1) представлялся вопрос! в праве ли немецкие колонии, лишенные того самоуправления, которое предоставлено русским селам, и состоящие в ведении попечительного комитета в Одессе, открыть школу, на основании новых законов, не спрашивая на то предварительного разрешения попечительного комитета? Принимая во внимание, что об устройстве центрального училища в Группу шла переписка с комитетом уже с 1859 года, я считал более: полезным для дела руководствоваться непосредственно 10-ю статьею полож. о нач. нар. уч.; при этом я имел в виду, что в предложении министра государственных имуществ попечительному совету (31-го декабря 1866 г., № 808) разъяснялось, что колонии входят в составе земства но тем предмет, на которые распространяются понятия земства. Поэтому; как член совета, избранный земством то есть, в том числе и гласными от колонии я решился просить обер-шульца пригласить сход, для совещания о судьбах русской школы. 2) Трудность другого рода представлялась при изыскании средств для существования училища, так как колония Грунау уже расходовала более 60 коп. сер. с ревизской души на свою немецкую школу; следовательно, не представлялось возможности к установлению новых налогов. По совещании с некоторыми из родителей учащихся в русской школе, я проектировал общественный приговор, который и был утвержден обществом единогласно на сходке; кт, присутствии моем, 15-го октября 1867 года. В этом документе общество немецкой колонии в первый раз высказывалось в пользу русской грамотности, называя её „неотложною потребностью". Этот приговор был распубликован по всем колониям, и доброе начало не осталось одиноким, и само Грунауское общество, как увидеть совет, не остановилось на первом шаге. В прилагаемом при сем приговоре от 26-го апреля текущего 1868 года, колония Грунау, ходатайствуя о разрешении открыть особое русское женское училище, говорит, что такое учебное заведение оно в особенности считает необходимым потому; что до тех пор русская речь по станет твердою ногою в немецких колониях, пока она не получит права гражданства при домашнем очаг каждой семьи. В промежуток времени между этими двумя общественными приговорами, в бытность мою в колонии Большой-Вердер № 24-й, весьма многие колонисты; присутствовавшие при испытании в немецкой школе 24-го апреля, выразили мне готовность открыть у себя особое русское училище: На другой же день доставили мне приговор, которым само общество гарантирует учителю получение 400 руб. сер. в, год жалованья, сколько бы "ни было учеников; в прежних русских школах учитель получает 18 руб. в год платы от родителей за каждого ученика. Наконец, еще гораздо раньше в феврале текущего года г. Нейман, лишившись места в Грунау, по причинам, которые я объясню ниже, доставил мне приговор колонии Рундевизе о желании того общества иметь у себя русскую школу и пригласить его учителем. Во всех колониях общества избрали попечителей русских школ, в которых совет пробрел ревностных поборников распространения русской грамотности между немцами. И. И. Ян, попечитель русской школы в Грунау, пожертвовал ,в пользу школы в Грунау всю нужную училищную мебель; .теперь, после того как весь приход изъявил согласие поместить русскую Грунаускую школу в прекрасной каменной постройке, занимаемой кистером, он изъявил готовность добавить из собственных средств при переделке дома все то, на что не хватило бы остатков училищной суммы русской Грунауской школы и добровольных пожертвований разных лиц. Колонист Бродт, шульц колонии Тигенгоф, в этом году на собственный счет строит кирпичный, дом в 5 саженой длины и 4 ширины для помещения русской школы, с тем чтобы в Тигенгофе в 1869 году было открыто 5-е русское училище в немецких колониях. На сколько меньшинство колонистов желало бы обучать на русском детей своих, доказывается тем, что в Грунау и Рундевизе, вместе взятых, есть уже 69 учеников, которые обходятся в 1062 руб. в год, не считая той провизии, которую получает русский учитель в Грунау и не считая тех

весьма значительных расходов на квартиру (до 6 руб. в месяц), которые неизбежны для тех колонистов, которые живут не в тех местностях, в которых помещаются русские школы. В колонии менонистов Бергталь окружной писарь Фризен говорил мне, что им распродано колонистам более 40 экземпляров руководства для изучения русского языка, составленного Петровым (*Neuer russischer Dolmetscher*. Odessa, 1859г.); у многих из учителей немецких школ встречал я приобретенное ими на собственный счет руководство Керковиуса, высланное советом в русские колониальные школы, для переводов с немецкого языка на русский. В колонии Кальченовке встретил я колониста, который чуть ли не в овощной Мариупольской лавке купил на 12 руб. русских книг для того, чтоб они когда-нибудь пригодились сыну. Наконец, в колонии Тигенорт я познакомился с колонистом, который платит 180 руб. в год за обучение сына русскому языку в г. Александровске. Я позволяю себе останавливать внимание совета на таких, по-видимому, мелких явлениях, потому что они, по моему мнению, обрисовывают положение дела, несомненно доказывая, что немецкие колонисты поняли, что им невыгодно жить в России, не зная русского языка. Содействие училищного совета к возникновению русских колониальных школ выражалось до сих пор приглашением русских учителей и в безвозмездном снабжении школ учебными пособиями, не говоря уже о том, что внимательное педагогическое наблюдение за школою содействует успеху школы существующих и тем самым открытию новых. Колония Грунау получила от совета в пособие 100 руб., которые были необходимы, на первый случай, для того, чтоб устранить возникшие затруднения в приискании квартиры для первой русской школы в немецкой колонии и в отоплении её. В настоящее время русская школа в Грунау не нуждается в денежных пособиях; она обладает остатком от училищного сбора. По новому условию с учителем Х. И. Нейенданком, он получает от общества из взносов родителей 500 руб. за 35 учеников и по 12 руб. от каждого ученика, который поступить в школу сверх 35-ти мальчиков; кроме того он пользуется квартирой и получает по одной мере пшеницы от каждого ученика; по этому расчету видно, что в настоящее время учитель Нейенданк получает (при 37 мальчиках) 524 руб. жалованья и в пользу школы остается 142 руб. Первоначально казалось, что необходимо искать желающих обучать детей своих на русском—во всех колониях, для того чтобы русская школа в Грунау стояла не праздно; теперь же, напротив, опыт показал, что русская школа в Грунау может быть наполнена и даже переполнена учащимися из самой колонии Грунау и ближайших окрестностей. Так, уже в настоящее время колонии Грунау и Кронсдорф, лежащие в полуверст друг от друга, посылают 26 учащихся в русскую школу, не смотря на то, что у г. Неймана оставалось к 25-му января только 13 учеников и что новый учитель г. Нейенданк, рекомендованный мною, прибыл лишь 20-го февраля, когда колонисты со дня на день могли ожидать времени посева, в которое пребывание мальчика в школе обременительно для семьи, при недостатке в рабочих руках. Не смотря на столь неблагоприятные условия, г. Нейенданк на столько заслужил доверие общества, что число учеников с 13 увеличилось до 44-х. За это г. Нейенданк заслуживает нашей полной признательности. Нельзя не пожалеть о том, что г.-Нейман лишился такого прекрасного места только из-за того, что не сумел снискать расположение родителей учащихся; я не берусь рассматривать, правы ли колонисты Грунау не чувствуя симпатии к г. Нейману, или нет; я могу только, после самых тщательных исследований, уверить совет в том, что г. Нейман Способный преподаватель, и указать совету, как на несомненный факт, на то, что в Грунау колонисты с г. Нойманом не сошлись. Напротив, в Рундевизе, где г. Нейман преподает с успехом, в настоящее время родители, присутствовавшие при экзамене, заявили мне о том, что они довольны учителем. От души желаю, чтобы эти добрые отношения продлились и вполне, на это рассчитываю: всякая школа, состоявшая в ведении совета,) по мнению моему, должна быть в самой тесной, дружеской связи с населением; иначе она явится не существенно необходимою частицею целого, но наростом, и существование её будет крайне непрочно. Для того, чтобы школа была явлением не проходящим, мимолетным, но постоянным, для этого нужны не искусственные подпорки закона, но то лишь, чтоб она удовлетворяла потребностям тех, которые ею пользуются. Эта истина подтвердилась, и в русских колониальных школах: до тех пор, рока колонисты думали,

что русская школа изгоняет немецкий язык и закон Божий, до тех пор они относились к русскому делу крайне недоверчиво между тем с тех пор, как введено составленное мною и при сем прилагаемое недельное расписание учебных предметов, русская школа, употребляя пять шестых всего учебного времени на русский язык, стала на глазах колонистов счастливою соперницею немецких, колониальных школ, даже в обучении немецкой грамоте и закону Божему. В настоящее время русский учитель в колонии Грунау (лютеранин), имеет письменное разрешение от пастора преподавать лютеранам в русской, школе закон Божий; это в свою очередь вызывает в колонистах доверие к учителю русской школы и привлекает в неё учеников. Но пора ближе ознакомиться, с, тем на сколько русская школа в Грунау по успехам учеников, в праве рассчитывать на сочувствие немецких колонистов.

Прибыв для испытания учеников 25-го апреля, я застал в Грунауской школе, у нового, учителя Х. И. Нейенданка, в старшем отделении 17 учеников из которых 15 уже прежде обучались у бывшего учителя этой школы В. К. Неймана. Механическое чтение в этом классе нашел я весьма удовлетворительным, но понимание русской речи у большинства крайне слабым. При мне переводили дети с немецкого на русский язык те отрывки из руководства Керковиуса, которые уже переводились ими прежде у Неймана; я нашел что следует, желать чтобы дети путем переводов лучше знакомились с оборотами русской речи а изучая известный русский оборот речи, умели применить его не только к тому случаю, который указан в книге, но и ко всякому, ему подобному. Из арифметики г. Нейманом были пройдены: в старшем классе 4 действия я спрашивал некоторых учеников, и ответы их были несравненно лучше ответов по арифметике в немецких школах, но еще далеки были они от того, чтобы равняться с ответами в лучших школах русских и греческих сел. Для того, чтобы вполне выяснить новому учителю г. Нейенданку педагогические требования совета я сам преподавал в школе два раза упражнения „Родного Слова“, арифметику и русское чтение с переводом. Но моему мнению, ответственность за результаты испытания в старшем классе русской Грунауской школы 25-го апреля не может падать ни на г. Неймана, который перестал обучать этих учеников, за три месяца, до экзамена, ни на нового учителя, г. Нейенданка, к которому эти дети поступали разновременно, начиная с 20-го февраля, и который был преимущественно занят, до приезда моего в Грунау, обучением новичков, поступавших, к тому совершенно неграмотными, или грамотными только по немецки. Успеху звуковой методы, в младшем отделении обязан г. Нейенданк отчасти тем что он так расположил к себе общественное мнение в колониях, от чего, выиграла русская школа; г. Нейенданк начал методу 11-го марта с 10, учениками, и 8-го апреля она была уже пройдена результаты испытания показали, что она была пройдена на столько удовлетворительно, что мне пришлось только любоваться, как, посетители из, немцев удивлялись тому, что в русской школе ученик после четырех недель обучения, мог прочесть, без складов плавно любое слово и написать всякое слово под диктовку, между тем как в немецкой школе для этого, требуется, в большинстве случаев, около трех лет. Кроме того было мне в высшей, степени отрадно видеть, что те же немецкие дети, которые смотрят из подобия и вместо ответа издают какой-то жалобный писк в немецкой школе, здесь в русской школе вследствие ласкового обращения, учителя с детьми, держат себя, развязно, весело и смело. Свидетели всего этого не могли не убедиться теперь, в том, как ничтожны были доводы людей, уверявших меня, будто бы немецкие, дети от природы на столько застенчивы, что должны смотреть на каждое постороннее лицо, входящее в школу, как на врага своего, и поспешно становиться в оборонительное положение. Бывший 2-й класс г. Неймана г. Нейенданк постарается, по совету моему, присоединить к новичкам, так как одному учителю нет возможности заниматься с успехом в трех классах. В настоящую минуту помещение русской Грунауской школы довольно скромное, но оно уже украшено портретом Государя Императора, подаренным школе г. инспектором еврейских колоний Н. Н. Демочани; самое помещение предложено школе колонистом Шюцом, сделавшим это исключительно из желания послужить общественному делу; колонист Штах, попечитель школы, как обер-шульц, оказывал и оказывает всевозможное содействие успеху русской школы. Не только в

Грунау, но и во всех колониях без изъятия Александровский уездный училищный совет может рассчитывать на г. инспектора немецких колоний О. Г. Чернявского, как на ревностного союзника. Я позволяю себе говорить так на основании собственного опыта Г. Чернявский не только содействовал мне во всем, в чем только мог, но был даже столь добр, что по просьбе моей произвел испытание в русской Грунауской школе в то время, когда учитель Нейман оставлял ее; к величайшему удовольствию, г. Чернявский остался очень доволен успехами учеников г. Неймана, принимая в соображение, как мало времени они обучались О. Г. Чернявский сделал мне честь присутствовать и при экзамене 25-го апреля я был поражен успехами новичков. После экзамена дети спели довольно стройно: „Боже, царя храни“ и „Коль славен наш Господь в Сионе“. Судя по всему тому, что я видел и слышал, я смею думать, что я, как представитель училищного совета, расстался в дружбе не только с учениками русской школы в Грунау, но и с теми колонистами, которые сколько-нибудь заинтересованы в преуспевании её. Я был бы счастлив, если бы не ошибался в этом, так как полагаю, что училищный совет в том только случае исполнит свое назначение, если сельские общества, какой бы они не были национальности, не будут чуждаться члена совета, но будут ожидать от него пользы и потому будут желать его прибытия. Не только учитель, но и член совета, кажется мне, должен искать не популярности, но привязанности и доверия в том населении, с которым он имеет дело. От этих рассуждений до школы г. Неймана только один шаг, и потому переходим к русской школе в Рундевизе.

Русская школа в Рундевизе состоит из двух отделений: в младшем 10 учеников, а в старшем 5, и трудно верится, чтобы оба отделения были обучены одним и тем же учителем г. Нейманом; от него я всегда ожидаю хороших результатов, так как он мне известен за весьма способного преподавателя. В младшем отделении чтение знакомого идет удовлетворительно, но по незнакомой книге дети едва-едва читают; под диктовку они пишут далеко неудовлетворительно, все это происходит оттого, что г. Нейману, вопреки нашим убеждениям, представилось; будто бы наша звуковая метода неприменима при обучении немецких детей; в следующей главе я коснусь подробнее этого вопроса. Неприятно поражало меня и то, что весьма многие слова из прочитанного остались необъясненными, а упражнения „Родного Слова“ были заучены, но не усвоены младшим отделением. Совершенный контраст с младшим отделением Рундевизской русской школы представляет старшее отделение её: чтение по незнакомой книге отлично, упражнения „Родного Слова“ идут весьма хорошо, и упражнения в письме исполнены всеми удовлетворительно; из арифметики пройдены нумерация, сложение и вычитание, и самые сбивчивые задачи решались учениками блистательно. Я считал своим долгом записать в училищный журнал как признательность мою за образцовое преподавание арифметики, так и сожаление моё о том, что звуковая метода осталась непременною. Но соображениям, уже изложенным выше, не считаю себя в праве представить к награде учителя Неймана за то, что третья часть учеников его отлично успели; но я считаю справедливым просить совет о награждении следующих учеников: 1) Марии Вольф за чтение; 2) за арифметику Якова Ланга и Михаила Мейера; после экзамена школа г. Неймана спела довольно стройно „Чумаки“ и в заключение: „Боже, царя храни“.

Говоря о Рундевизской русской школе, я должен остановить внимание моих сочленов на явлении; весьма любопытном в немецких колониях, которое не должно оставаться неизвестным совету, озабоченному распространением русской грамотности: в колониях Рундевизе, Кальченевке, Большом Вердере, Малом Вердере и Белых Вежах все взрослое поселение совершенно свободно говорит по ма-лорусски между тем как во всех остальных колониях немцы ни одного слова по русски не говорят и Даже не понимают. Мне рассказывали об этом но не доверяя слухам я сам посетил все эти колонии и лично убедился} в том что не только взрослое население, но и дети говорят и понимают по малорусски. Вошедши в одну из немецких школ этих пяти колоний, я начинал с того, что вступал в беседу с детьми на русском языке; кое-где дети, приготовленные, да известный, лад учительскою палкою в немецкой

школе, решились отвечать мне по малорусски, но в большинстве случаев потупляли глаза, и т. п. Тогда я указывал на различные, окружающие нас, предметы и большинство учеников немецкой, школы никогда не обучавшиеся русскому языку, умели назвать их по русски. Не довольствуясь тем, что это открытие составило в глазах, моих интересный комментарий к блестящим успехам старшего класса Рундевицкой русской школы, я старался исследовать причины того, почему именно 5 колоний из 32 свободно говорят по малорусски и потому могут сообщаться с населением страны, а остальные колонии, благодаря незнанию языка, живут как в заколдованном кругу колониальных поселков? Сближение с жителями этих пяти колоний научило меня следующему: эти 5 колоний вышли из окрестностей Франкфурта на Майне (все колонисты и некоторые из учителей говорила мне о Франкфурте на Рейне) в самом начале царствования Императрицы Екатерины, вероятно, вслед за известным манифестом её об иностранных поселенцах от 22-го июля 1763 года; их поселили в Черниговской губернии, где им отвели поземельной надел в 18 или 20 десятин на хозяина. В Черниговской губернии прожили они, окруженные малорусским населением, и состоя некоторое время в ведении общих учреждений, до 1832 года, и за это время до того обрусели, что почти перестали понимать немецкий язык; еще и в настоящее время есть много таких колонистов в Большом и Малом Вердере, которые ни одного слова не понимают по немецки, а свободно говорят по русски. До сих пор женский головной убор Беловежцев (Немцы, уродуют это слово, говоря «Belamescher»), как называют жителей этих 5 колоний, и прическа мужчин совершенно сходны с русскими; даже платье их отличается от немецкого, а в избах их вы встретите русскую печь и в печи этой увидите борщ и кашу, которых вы не найдете ни в одной немецкой колонии и на вес золота; шинок пользуется, к сожалению, такую же популярностью между Беловежцами, как и между нашим населением. Такое сходство быта Беловежцев с русским бытом побуждало и побуждает туземное население охотно наниматься в рабочие к этим немцам, между тем как прочих оно избегает; этому-то общению с русскими рабочими Беловежцы обязаны тем, что до сих пор не разучились говорить по русски. Я говорю «до сих пор» так как Беловежцы по просьбе их переселены в наш уезд в 1832 году на шестидесяти-десятилетний подворный надел, и наш уезд был для них второю Германией. Первую зиму прожили Беловежцы в избах немецких колоний, которые существовали в то время, и не могли объясниться с теми Немцами, которых застали у нас: наши Немцы говорили между собою верхненемецким наречем, а Беловежцы нижненемецким, имеющим весьма мало общего с первым; наши колонисты понимали немецкий литературный язык и ни слова не понимали по русски, а Беловежцы совершенно разучились немецкому языку и свободно говорили по малорусски. С тех пор прошло 36 лет, и обруселые немцы Черниговской губернии, у которых начинали входить в обычай смешанные браки с русскими людьми, огерманизировались в Александровском уезде и стали учиться здесь не русскому, но немецкому языку, так как были поселены в таком уголке, где никогда не слышалась русская речь и где всякий знавший Пруссию XVIII века мог чувствовать себя совершенно дома. Мы отнюдь не думаем, чтобы достоинство столь могущественного, по численности, племени, каково русское, требовало исчезновения всех племенных особенностей на русской почве; мы напротив глубоко убеждены в том, что сила должна великодушно относиться к слабым и что Россия могла бы гордиться тем, что всякое племя находит себе привольное житье под кровом ее. Но мы не менее того убеждены, что на русском государстве лежит священный долг содействовать тому, чтобы русские подданные немецкого племени знали господствующий язык страны. В настоящее время училищный совет наследует 5 колоний, жители которых понимают русский язык и тем не менее никогда ему не учились; я уверен, что именно на эти немецкие колонии совет обратит особенное внимание, так как здесь, что и доказывает старший класс в Рундевице, гораздо легче, чем в остальных 27 колониях, водворить русскую грамотность. В одной из этих 5 колоний уже существует русская школа; другая (Большой Вердере) уже постановила открыть русскую школу и приискивает учителя, о чем просила и меня; шульц третьей из этих колоний (Кальченевка) официально уведомил меня, после переговоров со мною об этом

Предмет, что в настоящем году будет обучать русскому чтению учитель немецкой школы, а на будущий год колония предполагает открыть особую русскую школу.

Немецкий учитель: колония Кальченówki едва говорит по русски; но процесс русского, чтения и письма ему известен, и он-то будет обучать русской грамоте небольших можно ожидать от этого результатов. Впрочем при известных условиях, и такое обучение может принести некоторую пользу, как подготовка к обучению русскому языку в русской школе: так, в колониях Гейбуден, Мирау и Кальченóweке видел я учеников обученных немецкими учителями, и эти ученики на столько бегло читали и писали по русски, что учитель; русской школы, если б эти дети перешли к нему, мог бы быть лишь признателен гг.: учителям Гиберту, Вольфу и Лангу зато, что они облегчили, труд его. Если же этих детей не будут обучать русскому языку, то есть, пониманию русской речи, то совершенно непроизводительно пропадут труды, как самих детей, так и гг. преподавателей. В таком смысле говорил я со всеми шульцами, созданными окружным приказом в очередное собрание 29-го апреля; я убеждал их в том, что не только ребенка, но взрослого; человека можно обучить процессу чтения и письма на каком угодно языке. в течение месяца, но что не стоит на это тратить сил и времени, так как процесс чтения, хотя бы по русски, не сам себе цель, но только средство узнать русский язык, понимать русский народ и русский закон, что так необходимо немецким колонистам; при этом указывал я и на то, что как первый шаг, если только не ограничиваться им, не лишено значения обучение русскому чтению и таким немецким учителем, который сам едва знает по русски. Говоря таким образом, я конечно, не имел в виду плодов от обучения подобных тем, которые я видел в Ней-Ямбурге. Там учитель Кистнер встретил меня словами, что он учеников обучал читать и писать по русски и поспешил показать мне тетради, в которых были написаны учениками русские буквы и слова. Я стал экзаменовать в чтении по книге с чрезвычайно крупным шрифтом: оказалось, что никто из учеников не прочитал слова „чиж“, и только немногие ученики могли читать по моей книге; я просил их написать слово „плуг“: 6. учеников и черточки не провели грифелем на доске, а один из них хотел, было написать это слово немецкими буквами. Заподозрив, что ученики не знают букв нашей письменной азбуки, я открыл им первые страницы „Родного Слова“, наполненные прописями; оказалось, что большинство тех учеников русские тетради которых показывали, не знали букв, а писали они с прописи, то есть, вернее сказать, их учили рисованию, а не письму; вот до чего может доходить машинальность обучения. Значительные особенности, что касается обучения русской грамоте, представляет немецкая школа в Кампенау, где преподавал ежедневно два часа помощник учителя г. Шмит, с которым мне, к сожалению, не пришлось видеться. Особенности эти следующие: обучение русской грамоте происходило не в виде изыятия, примененное только к немногим ученикам и на квартире учителя, но в самой школе ежедневно по два часа, для 30 учащихся старшего класса; другая особенность состоит в том, что в этой школе не ограничивались процессом чтения, но заставляли детей заучивать слова из книги для переводов. Предоставляя себе обсудить в следующей главе, на сколько рационален такой прием изучения чужого языка, как самостоятельный метод, я должен здесь указать на то, что русские ученики Кампенауской школы знают довольно много русских слов; я уверен, что такая колония, которая, подобно Кампенау, сочла нужным платить учителю, вместо 80 руб. 275 руб., с тем чтоб он имел помощника для обучения русскому языку, скоро придет к тому заключению, что выгода её требует учреждения специальной русской школы.

Что касается учебных пособий, по которым обучают по русски в немецких школах, то я встречал, кроме уже названных мною двух книг для переводов, Новый Завет и краткий катехизис Лютера на русском языке. Мне кажется, что не следовало бы училищному совету снабжать русскими учебными пособиями те из немецких школ, в которых ограничиваются изучением процесса русского чтения, так как подобных знаний возможно достигнуть при помощи любой книги, напечатанной русскими буквами; но я считал бы полезным снабдить всех учителей немецких школ руководством к обучению грамоте по звуковой методе; на него

уже есть запрос в колониях, где мне вручили 1 руб., прося о четырех экземплярах; на этом основании имею честь покорнейше просить совет препроводить 25 экземпляров нашего руководства в русскую школу Грунау, для продажи. Таким образом русский элемент явился бы цивилизующим в немецких колониях, так как в очень многих из них, как я скажу ниже, звуковая метода отвергается фанатиками из сельских обществ, как порождение антихриста. Я сознаю, что борьба с такими убеждениями должна быть ведена в высшей степени осторожно, но полагаю, что нет лучшего средства водворить новый прием обучения в немецкой школе, как доказав на деле необычайный успех его при русском обучении тех же Немцев; что касается применения звукового обучения к русской грамотности, то оно будет несомненно дозволено учителям, так как в мнении колонистов русский язык стоит особо от религиозных верований, между тем как по их же взгляду, обучение немецкой грамоте в немецкой, то есть, церковной школе уже входят в состав религии, и потому всякие нововведения, по мнению массы, крайне опасны.

Я позволяю себе думать, что после всех фактов о распространении русской грамотности в немецких колониях почтенные сочлены мои согласятся с тем, что я уже высказал: закон предоставил обществу возможность действовать, и оно не дремлет; закон, создав училищные советы, отомкнул перед обществом дверь школы, и от этого выигрывают не только отдельные лица или общины, но все государство.

4. Немецкие школы в немецких колониях.

В прошлогоднем отчете я говорил о немецких школах отдельно от русских, потому, во-первых, что видел слишком мало колониальных школ, для того чтобы позволить себе общие выводы, сравнительно с русскими школами, и во-вторых, потому что невозможно было проводить параллели между давно укрепившеюся, хотя и весьма недостаточною, организацией немецких школ и русскими школами, никем не презренными и возникавшими, жившими и исчезавшими как бы случайно. В настоящее время с открытием училищного совета вопрос изменяется. 1) Мною испытаны ученики во всех немецких школах без изъятия; правда, я не имел никакой физической возможности спросить 1774 учащихся в колониях; но для того чтобы не ошибаться, я спрашивал всегда учеников из всех классов и никогда не забывал просить учителя о том, чтоб он сам указал лучших отсюда следует, что как, бы ни была безотрадн картина, которую я представлю совету о положении немецких школ, колонисты должны будут сознаться в том, что так как спрошены все лучшие ученики, то па кисти моей скорее слишком много, чем слишком мало ярких цветов...2) Русские школы получили, благодаря совету, и в особенности гг. попечителям, более или менее правильную организацию; сравнение их с немецкими школами стало возможным и стало необходимым не для возбуждения какого-либо племенного соревнования, но для оценки двух, Друг другу противоположных систем обучения. Среди нашего общества еще не мало лиц, которые, помня свое собственное прошлое, на котором отразился немецкий учительский указательный перст, смотрят на преобразования совета не вполне доверчиво, приговаривая „подождем и посмотрим, что из этого будет". Теперь мы кое-чего уже дождались: посмотрим. На основании принятой мною системы я буду говорить теперь о лучших и худых школах немецких колоний, оставляя общий обзор школ до следующей главы.

Всякое понятие относительно, а потому и слово „лучший" должно иметь особое значение в применении к немецким школам. Объехав 32 немецкие школы, я смело называю лучшими школы в Кампенау (учитель Дреер) и Дармштадте (учитель Яков Фидлер). Вот что я в них видел. В Кампенау, не смотря на то, что меня видели дети в первый раз и что пришлось производить испытание в отсутствие учителя, я видел детей, которые, сравнительно с детьми

в прочих колониях, держали себя свободно. В старшем классе почти все, читавшие из незнакомой книги, рассказали читанное, по желательнее было бы гораздо большей выразительности в чтении ученики старшего класса посещают школу лет по шести; из арифметики лучшие ученики весьма удовлетворительно решали практические задачи, но слабы в нумерации, почему я на этот раз никого из них не позволил себе представить к награде. Ту невинную фразу о том, что дождь неприятен дорогою и полезен для поля, которую я им произнес, все ученики изложили своими словами со смыслом и обнаружили при этом некоторое понятие об орфографии. В остальных двух классах ученики, по 3 года и более посещающие школу, не рассказывали читанного, и вообще остальные два класса, кроме меньшей пугливости детей, ничем не отличались от обыкновенной немецкой колониальной школы.

В Дармштадте испытывал я учеников в присутствии вновь прибывшего пастора Штрауса, за что я ему в высшей степени признателен; к величайшему удовольствию видели мы пред собою детей, дружески к нам относившихся, еще гораздо свободнее державших себя, чем ученики в Кампенау. Сам г. пастор был поражен разницею обращения детей в Людвигстале, где он также присутствовал при экзамене и в Дармштадте; те же немецкие дети, о которых колонисты уверяют, будто бы они: пугливы и застенчивы от природы держали себя свободно; одним словом, колония Дармштадт была единственною, где я видел детей таких, какими я видел их почти во всех русских школах участка, без изъятия. Что касается успехов учеников, то в Дармштадте ученики отстали от Кампенауских в беглости чтения, но почти; все ученики старшего класса и даже немногие из второго класса, рассказали прочитанное в незнакомой книге. Из 18 учеников исполнили письменное упражнение. 13 удовлетворительно; в арифметике лучшие ученики, по 6 лет посещающие школу, успели меньше, чем в чтении и письме и никак не могут быть поставлены наравне с Кампенаускими; но лучшие ученики решали многие из тех задач на 4 действия, которые я задавал.

Не было речи ни в Кампенау, ни в Дармштадте о необыкновенной застенчивости детей, которая лишает их всякого смысла на время экзамена; но много, слишком много наслушался я таких доводов почти, во всех остальных колониях. Обязанный указать теперь на худшие из немецких школ, я опять должен напомнить, что и это слово должно быть понимаемо относительно. Начну хоть с. колонии Гетланд, где я застал нового учителя, преподававшего 2 недели весною; он год тому назад выехал из Пруссии, где был пивоваром, и теперь договорился с обществом за 120 руб. сер., с тем чтоб иметь помощника, для обучения русскому языку. Я застал 59 учащихся, из которых ни один не умел рассказать читанного; из 16 девиц, которые уже были приготовлены к конфирмации, только 8 были в состоянии подписать свое имя, после 7 лет обучения; об арифметике лучший ученик не имел никакого понятия. В колонии Большой Вердер (учитель Радомский) я нашел ученика, который за целую зиму азбуки не выучил, и ученицу, которая за две зимы не научилась читать по складам в незнакомой книге. Учитель и начальство возразили мне, что по своей книге она уже умеет читать; перед этой ученицей лежал молитвенник, я попросил ее прочесть, и она стала читать бойко, без складов; тогда я закрыл книгу, и ученица сказала мне наизусть первые страницы книги.... На это возразил опять учитель: это у девочка теперь молитвенник, который она должна знать наизусть, а не книга для чтения; когда я потребовал её книгу для чтения, тогда оказалось, что она начало книги знает наизусть и потому читает бойко, а в нечитанном до того затрудняется, что не может читать. В колонии Розенсбере никто не рассказал читанного, никто в школе не указал места в числе, где стоят десятки, и из писавших почти никто не мог пополнить заданного мною письменного упражнения; два года учившиеся ученики не знали складов; учителем там г. Эрнест. Наконец, в кол. Нейгоф, в которой прошлую зиму обучал, за неимением учителя, поселянин за 40 руб., ученики; четыре года обучавшиеся, с большим затруднением читают по складам в первый раз встречающееся им слово и ни один и лучших учеников даже механически не читает сносно. Из 24 девушек умеют писать 2; из 17 мальчиков

могут писать 5, но из них лучшие два не были в состоянии написать хотя бы с ошибками слово „Strick“; лучший ученик из арифметики не умел написать 108 и для того, чтобы решить сколько живых кур, если из 15 зарезали 10, перемножил оба числа и совершенно спокойно отвечал, что было их 150. Но не довольно ли примеров того, до чего может доводить машинальность обучения, возведенного в высшую степень совершенства? Если есть сходство между Ново-Николаевскою школой (см. § 1 настоящей главы), существовавшей безмятежно неизвестною совету, и теми из худших немецких школ, с которыми мы познакомили совет, то справедливость требует сказать, что Ново-Николаевская школа из всех русских и греческих сельских школ представляет явление, единственное в своем роде; между тем мы могли бы привести еще множество фактов из мира немецких школ, подобных тем, на которые мы указали, при описании четырех худших школ; на некоторые из них укажем мы в следующей главе отчета, а теперь считаю долгом остановить внимание совета на некоторых особенностях немецкой школы, при неизвестности которых совет мог бы отнестись слишком строго к преподавателям немецких школ.

Оценивая успехи в немецкой школе, следует прежде всего принять во внимание, что, благодаря обязательности обучению, весьма часто одному учителю поручают до 100 учеников, и что кроме учительской обязанности, преподаватель немецкой школы несет обязанности писаря, при чем дела под час доходят до 500 номеров в год. В самый разгар учебного времени, пред окончанием года, учитель-писарь, иногда более двух недель, едва заглядывает в школу, потому что он занят годовыми отчетами по сельскому правлению; ежедневно, когда наступает вечер, часа два и более приходится писать разные „бумаги“; с первым весенним днем приходится браться за „плуг“, в самом буквальном смысле слова, так как учитель, получая около 80 руб. сер. в год, не может вести - и нищенского существования, если только он не хлебопашец. Наступает воскресенье: учитель обязан читать проповедь в лютеранском доме и затем часа три заниматься с детьми катехизическими беседами; по поручению пастора учитель хоронит умерших и крестит детей.... Спрашивается: может ли учителю стать времени на то, чтобы посвятить себя учительскому делу, и возможен ли надлежащий успех, если учитель нуждою, обстоятельствами, количеством учеников превращается в машину или ремесленника, которого кормит школа. Не пригодился учитель здесь, так его возьмут в другой колонии, потому что одного учителя ждут десятки вакантных мест: школа должна быть, а учителей нет. Прибавляет учителю соседнее село 10 руб. сер. в год, учитель бросает своих учеников и переходит, по окончании годового срока контракта, потому что всякая копейка ему дорога. Попадется учитель, любящий дело, и тут сельское общество начинает учить учителя, как преподавать и чему обучать; не угодил обществу учитель, он без хлеба; его пригласила другая колония, но там он уже умнее, поет под дудку общества, которое требует от него, чтобы дети сидели смирно, чинно, не смеялись и всегда смотрели в книгу: вот вся и наука! Я не хочу сказать этим, чтобы немецкие колониальные школы не могли быть приведены в лучшее состояние; уже одно то, что мне удалось отыскать две школы из 32-х, которые сравнительно с остальными могут быть названы удовлетворительными, доказывает, что даже при настоящих условиях возможно подвинуться вперед. Я даже убежден и постараюсь убедить в следующей главе и совет, что и при настоящем личном составе учителей в колониях и при настоящих скудных окладах жалованья возможно улучшить школы, изменив методы обучения; но я считал необходимым привести все те обстоятельства, которые до сих пор способствовали к грустному состоянию школы у такого народа, у которого, по теории, развитие мыслительных способностей и просвещение входит в число религиозных догматов. Я не думаю, чтоб Александровский уездный училищный совет мог относиться равнодушно к печальному состоянию какого-либо начального народного училища; я полагаю даже, что совету необходимо породниться с колониальным населением, для того чтобы путем убеждения влиять, для пользы самих колоний, на распространение русской грамотности; я убежден, что теплым участием к положению немецкой школы в колонии совет лучше всего вызовет доверие к себе того меньшинства колонистов, которые

искренно оплакивают крайнее падение своей школы, и при помощи этой прогрессивной партии, которую я встречал почти во всех колониях, оберегая немецкое население от насильственной русификации, двинет русское дело в колониях. До сих пор я был так счастлив, что везде в колониях встречал только сочувствие к тому учреждению, представителем которого я являлся среди немцев, и несомненно, что ничтожная победа, которая одержана нами в колониях до сих пор в значительной степени объясняется этим сочувствием и доверием колонистов к совету и земству вообще.

5. Начальное обучение женщин.

Здесь будет, кажется, у места поставить вопрос: нужно ли крестьянской девочке учиться? Ставлю я этот вопрос не потому, чтоб я мог сомневаться в утвердительном ответе на него со стороны почтенных сотоварищей моих, но для того, чтоб отвечать на него, на основании фактов, устами сельского населения. Взгляните на ведомость вверенного мне училищного участка, милостивые государи, и там, исключив немецкие школы, куда посылают девушек не родители, а церковный закон, вы увидите пред собою 25 сельских школ, из которых только в девяти встречаются ученицы и в таком ничтожном числе, что на 886 мальчиков, обучающихся в этих 25 школах, всего 45 девочек (я исключаю пока из счета Покровское женское училище и все учебные заведения Мариуполя, в котором есть 3 женск. пансиона); всего, считая все женские учебные заведения, в русских школах и училищах Мариупольского округа, на 1017 мальчиков обучается 107 девочек, то есть, на 10 мальчиков одна девочка. Вот как высказывается народ там, где закон дает простор его речи, где он высказывается свободно. Значит, ясно: учить женщин не следует, по мнению тех самых крестьян, которые по собственной охоте посылают сыновей своих в школу. В нескольких колониях, где богатство отчасти, на сколько это, возможно, заменило школу, делая людей торговыми и приводя их, таким образом, в соприкосновение с более просвещенными людьми, рассуждает большинство населения о начальном образовании женщины почти так же, как и наши сельские общества. Так, на сходке Грунауского колониального общества, когда я убеждал колонистов в необходимости открыть русское женское училище, почтенный старик возразил мне, что такие вещи для женщин совершенно не нужны, и только тогда подал свой голос за мое предложение когда я объяснил ему, что в русском Грунауском женском училище будут обучать рукодельям; „а это нам нужно, другое дело“ — сказал старик. Во многих католических немецких колониях случалось мне встречать множество пятнадцати летних девушек, которых никогда не обучали письму; преподаватели и шульцы объясняли мне такое ужасное явление тем, что родители этих несчастных детей находят, что женщине не для чего учиться писать; довольно с: неё если она будет читать! Между тем, при обзоре тех же колониальных школ и всех школ участка вообще я заметил, что очень часто девочки учатся лучше мальчиков. Так, например, нигде не удавалось мне слышать таких чтецов между учащимися, как в женской школе г-жи Медведевой; в тех школах, где арифметика идет хорошо, там девушки впереди мальчиков: так было в колониях Кампенау и Дармштадте; так было в греческом селении Мангуше. Крестьяне не отрицают того, что девочки, не только способны учиться, но, пожалуй, перегонят мальчиков; но они, как я не раз замечал это, отзываются о способностях девочки с какою-то странною улыбкою, которая говорит: „бывают же такие диковины в природе; и не нужно ей учиться, а как дастся ей наука!“ Если бы мы стали говорить крестьянам, что не школа, а семья должна воспитывать человека; что в семье ближе всего к детям мать и что поэтому грамотная мать—клад для семьи, то нам отвечали бы на это, что дело женщины смотреть за горшками; мы не раз слышали такие речи и знаем даже достоверно, что издеваются над теми девушками, которые учатся грамоте. Поэтому наставления, подобные вышеприведенным, нам представляются не ведущими к цели; единственным практическим путем привлечь девочек в школу кажутся нам тщательные занятия в женской школе рукодельем, полезным в жизни. Из

всех ремесленных школ, столь необходимых народу, лучше всего осуществить школы, рукоделья, и потому, кажется мне, на этот именно предмет и следует обратить особенное внимание; такого рода содействие мне уже обещано учительницею Грунауской женской русской школы К. М. Нейенданк. Дело тут не в том, по мнению моему, чтобы вдруг повыстроить множество женских школ, которые не будут посещаться; лишь бы начать дело в одном или двух пунктах, по началу его рационально. И до открытия совета числилось рукоделье в числе занятий женских училищ министерства государственных имуществ; но наставницы желали пустить пыль в глаза работою детей, а не удовлетворить потребностям бедных родителей их. Если бы, вместо английского шитья, вышиванья по канве и вязанья скатертей, в сельской школе, на первый раз, была большая кукла, на которой дети учились бы кроить и шить крестьянское белье и платье, то дело бы выиграло; в последствии, когда девочки обучатся, школа могла бы принимать заказы, и если не зарабатывать барыши, то по крайней мере выручкою за труд учениц оплачивать материалы, потребные для мастерской. Не смею заранее обнадеживать совет, но позволяю себе заявить, что есть основание ожидать такого ведения дела в русской женской школе, в колонии Грунау. Для того чтобы поощрить занятие рукодельем в женских училищах, я считал бы полезным, чтобы совет обратил на этот предмет внимание всех наставниц уезда и поручил своим членам иметь за этим неослабное наблюдение, с тем чтоб учительницы, особенно успевшие в обучении детей рукоделью, имели право на награду от совета, независимо от учительской награды, которой они могут удостоиться; Если дело поставится таким образом, то весьма легко может случиться, что жены тех учителей, которые обучают девочек в смешанных школах, примутся обучать их практическому рукоделью; что касается средств на приобретение материалов для открытия мастерской, то не представляется надобности уделять на это деньги из скудных сумм совета, в особенности в виду затруднительности контроля; средства найдутся везде, где есть попечители, так как попечителю всегда легко, через посредство помощника, собрать и 10 рублей или 15 рублей сер., если бы таких денег не оказалось в училищной кассе. Без содействия гг. попечителей невозможно осуществить подобную меру, если только не считать результатом издание циркуляра; а потому необходимо, по моему мнению, обратить на этот предмет особенное внимание гг. попечителей школ, этих лучших союзников и советников наших.

Не много можем мы сказать о женских училищах, существующих во вверенном нам училищном участке;

...Русское женское училище в Грунау мы видели несколько дней по поступлении девочек в школу, а потому должны отложить оценку.

ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ **Февраль 1869г. Часть 141**

ОТЧЕТ О НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ III-го УЧИЛИЩНОГО УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА ЗА 1867/68 УЧЕБНЫЙ ГОД.

II

Общий обзор начальных народных училищ III училищного участка

Наставники

В прошлом году, до открытия совета, были наставники, не получавшие никакого вознаграждения, а в настоящем году их нет. В прошлом году среднее жалование учителя в 14 школах, вознаграждавших учителя, составляло около 84 руб. в год; по открытии совета; то есть, в 1868 году, произошло значительное улучшение.) В 16 русских сельских школах среднее жалование учителя составляет. 140 руб.; в 29 русских сельских школах, считая русские колониальные школы и школы греческих поселенцев, среднее учительское жалование равняется 190 руб.; высчитывая отдельно среднее учительское жалование для школ греческих поселенцев, получим 227 руб. Сличая, наконец, жалование учителю по одной сравнительной ведомости в 16 школах за 1867 и 1868 годы, увидим, что с открытием училищного совета вознаграждение учителям от 1.178. руб и дошло до 2.795 р., то есть, увеличилось в 24-е раза и Кроме денежного; вознаграждения почти везде учитель получает отопленную квартиру и известное количество хлеба, обеспечивающее годовое существование семьи.

...Обозревая затем наименьшие и наибольшие учительские оклады, мы найдем, что из всех школ вверенного мне участка, не считая немецких, только в двух преподаватель получает менее 100 руб.;- наибольший оклад в русских селах достигает 270 рублей; наибольший оклад учителя в школах греческих селений равняется 375 руб.; наибольший оклад русского учителя в немецких колониях доходит до 800 руб. (он получает плату от учеников).

...До сих пор говорили мы только об учителях в русских школах; заглянем опять в немецкие. Из 32 немецких учителей в 1 колониях—17 колонистов, 1 мещанин и 14 иностранцев. Наименьший оклад жалованья 38 руб.; наибольший оклад 275 руб., при чем учитель обязан на свой счет нанимать помощника; средний оклад жалованья около 88 руб. в год, то есть, на 52 руб. менее среднего оклада в русских, селах, на 102 руб. менее среднего оклада всех сельских русских школ III-го участка и на 139 руб. менее того, что получали в этом году преподаватели в греческих школах; отдельно взятых. Правда, что кроме денег, немецкий учитель имеет право пользоваться безвозмездно приблизительно шестью десятинами земли; но за то очень часто он не получает провизии, что составляет правило в русских селах, и кроме того нельзя не считать пользования землею вознаграждением не за учительские, а писарские обязанности; и в русском селе, чего Боже упаси, если б; учитель захотел быть писарем, то. ему сейчас же заплатали бы сверх учительского жалованья почти везде 100 руб., а в некоторых местностях и гораздо больше. Предоставляю совету судить о том, на сколько обеспечена педагогическая сторона немецкой школы при среднем жаловании учителя в 88 руб., в особенности, если принять во внимание, что за эти деньги берутся преподавать в колониях, — где рабочему часто платят до 100 руб.,— иностранцы, на такое жалование променявшие родину!

Обстоятельства, замедляющие успех начального образования в селах.

а) Бедность сельского населения.

.....

б) Неисправность посещения школы учениками.

.....

в) Степень домашней подготовки учащихся.

...Особенной похвалы в этом отношении заслуживает Покровская школа (учитель Н. Т. Станиславский), где малорусские дети, после одной зимы обучения, стали довольно чисто говорить по русски. Для того чтобы показать, что это достигается не легко, я позволяю себе привести несколько примеров. Читал ученик: „вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком; подобралась лиса" и проч.; казалось бы, что трудно представить себе что-нибудь легче этой фразы, между тем все подчеркнутые нами слова учителю пришлось переводить на малорусское наречие, потому что дети их не понимали. В другой раз читаем мы, что „лиса имела досаду на журавля"; предполагая, что слова „имела досаду" не могут быть поняты, я стал объяснять их ученику различными примерами и переводом и затем спросил его: „ну, что же ты читал про лису?" „Пишла лиса до саду", отвечал ученик. Итак, ребенок, вступая в школу, не только не вносит в нее никаких, самых элементарных понятий, но он не знает того языка, на котором его будут обучать. Если это справедливо в отношении к русским школам, то что же сказать о немецких и греческих?...

г) Разновременное поступление учеников и чрезмерное накопление их в училище.

Не требует доказательств то, что пока большинство наших крестьян так мало способны представить себе те условия, которые могут облегчить или увеличить труды дитяти в школе; что они не в состоянии обдумать, что нет возможности учителю из-за всякого вновь поступившего ученика начинать предмет снова, задерживая всех. Вследствие такого положения вещей, проистекающего отчасти из той же нужды, о которой мы говорили, крестьянин не думает справляться о том, когда начинается курс учения в школе. Крестьянин заставляет сына работать дома до тех пор, пока нужно, и по окончании работы вспоминает о том, что есть на свете школы и что не мешало бы сыну поучиться; один крестьянин своего сына посылает в школу в октябре, другой в январе третий марте. Короче сказать, почти везде ученики поступают в школу круглый год, и конечно, не на радость несчастному учителю, который должен заниматься чуть не с каждым учеником особо.

...Примеры такого необыкновенного накопления учащихся встречаются и в немецких колониях; так, в Ней-Ямбурге, в комнате имеющей 7 аршин ширины и 9 длины, собираются на зиму 90 учащихся, и ими занимается (?) один учитель!

д) Разделение училищ на множество классов, при одном учителе.

....В немецких колониях, где закон в известный день и част осенью замыкает в школу на всю зиму все население колонии от 7-ми до 15-ти лет, учащиеся правильно разделяются на три класса, при которых 1-й смотрит в катехизис, 2-й смотрит в Евангелие, а 3-й класс смотрит в Библию. В русских и греческих селах, напротив, от разновременности поступления учеников происходит раздробление школы на множество отделений, число которых, не остается неизменным, но видоизменяется сообразно, приливу и отливу учеников.

е) Неправильное распределение ежедневных учебных занятий.

.....

ж) Мелочные материальные нужды школы, легко устранимые.

.....

ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Апрель 1869г. Часть 142

ОТЧЕТ О НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩАХ III ГО УЧИЛИЩНОГО УЧАСТКА АЛЕКСАНДРОВСКОГО УЕЗДА ЗА 1867/68» УЧЕБНЫЙ ГОД.

II.

ОБЩИЙ ОБЗОР НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ III УЧИЛИЩНОГО УЧАСТКА.

Состояние преподавания каждого из учебных предметов.

1. ПРЕПОДАВАНИЕ ЗАКОНА БОЖИЯ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ.

...Я считаю крайне необходимым снабдить все школы без изъятия по 20-ти экземпляров Евангелия; при этом можно бы сделать сбережение, высылая в русские школы Евангелия на русском и славянском языках (оно стоит 32 коп.), а в русские школы немецких колоний и греческих сел Киевское издание Евангелия (15 коп. в переплете) на одном русском языке, так как Греки и Немцы не обучаются славянскому языку. При сем имею честь представить по одному экземпляру всех рекомендуемых мною книг.

2. ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

а) Методы обучения.

...Из русских школ буквослогательный метод встретил я только в одной школе вверенного мне участка, о существовании которой ничего не было известно совету (в Ново-Николаевке), если не считать частных заведений г. Мариуполя, с которыми я также познакомился в первый раз в этом году; во всех остальных школах русских и греческих сел без изъятия водворился в этом году — и смею думать навсегда — звуковой метод обучения чтению и письму. В немецких колониях напротив продолжает процветать буквослагательный метод обучения грамоте, со всеми его прекрасными последствиями, и тщетны были до сих пор попытки ввести звуковую методику в немецких колониальных школах: многие из учителей, обученных грамоте за границей, имеют понятие о том, как следует называть буквы по звуку, но не смеют и заикнуться о подобном нововведении, могущем потрясти, по мнению некоторых колонистов, основы морали и религии. В колонию Камненау прибыл сведущий учитель г. Дрээр, обучавшийся за границей и вовсе не знавший иного метода обучения, кроме звукового; он стал было применять его, но большинство общества колонии строжайше воспретило ему „заниматься такими пустяками“; г. Дрэеру пришлось изучить буквослагательный метод, то есть, из XIX столетия возвратиться к XVIII веку, и теперь, к удовольствию колонистов, он обучает детей чтению „азами“ и „буками“. Объезжая часть колоний прошлой осенью, я желал водворить звуковую методику обучения для немецкой грамоты, хотя бы в тех двух колониях, в которых помещаются окружные приказы; я рассчитывал на то, что эти два пункта, часто посещаемые всеми колонистами, повлияют и на остальные. Начало моих действий было вполне удачно: в Бергтале и Грунау нашел я учителей, которые знали звуковое название букв и выразили готовность пользоваться им в своем преподавании, если им это позволят; но не так удачно было окончание хлопот моих о том, чтобы привить к немецкой школе новое начало.

Посещая эти же колонии весной этого года, я в Бергтале уже не застал прежнего учителя, но, видевшись с ним в другой колонии, я узнал, что влиятельные члены общества не позволили ему применить новую методику обучения. В Бергтале застал я нового учителя, г. Фризена, который уже 29 лет подвизается на преподавательском поприще. Этот почтенный педагог с большим авторитетом объяснил мне, что буквослагательная методика гораздо легче звуковой, и что в Молочанских колониях заведывавшие ими гг. Корниц и Вибе, лет 15 тому назад, пытались ввести звуковую методику, но общество её не приняло. К этому почтенный педагог добавил, по поводу моего экзамена, что не я, а он сам должен спрашивать учеников, что „он так привык“. На такие основательные доводы трудно было отвечать тогда, но теперь могу я отвечать немецкому оппоненту моими словами одного из наиболее известных немецких педагогов, профессора Куртмана. Рассуждая о положении обучения грамоте в прошлом веке он говорит: „Тогдашний буквослагательный метод, если только можно назвать его методом, состоял из множества бесчисленных приемов, при помощи которых и даровитый ребенок, прокорпев три и четыре года над книгой, только кое-как разбирал катехизис и псалмы, умственно же отупевал и навикал только долбить наизусть, не заботясь о смысле. Если я приведу немногие факты, обрисовывающие результаты господствующей в немецких колониях методики обучения, то почтенные сочлены мои удостоверятся в том, как близко слова Куртмана о Германии сто лет тому назад подходят к немецким колониям нашего времени. Вследствие буквослагательного метода и других обстоятельств, уже разъясненных в 1-й главе отчета, видел я следующие явления. В колонии Грунау, школа которой стала еще гораздо хуже с тех пор, как поработал в ней г. Энгель Мейер, бывший обучать по звуковой методике и к ней не приступавший, видел я девушек, три года посещающих школу и читающих еще по складам; таких же учеников видел я в Фридрихстале; в колонии Киршвальде мальчик 14-ти лет никак не мог сложить слово „früh“; и как я ни бился, читал „füh“; в Большом Вердере ученики, два года обучавшиеся, еще не знали складов по чужой книге; в Ней-Ямбурге ученик Гофман (я записал фамилию, иначе сам бы не поверил своим заметкам), два года учившись, еще не знал складов, только называл буквы, а слова никак не мог составить; в Большом Вердере ученик 8-ми лет за целую зиму азбуки еще не выучил, между тем как в русской школе, самой дюжинной, он за это время научился бы читать довольно свободно и писать не только под диктовку, но даже маленькие сочинения („скорпись“, по расписанию учебных предметов). О том я уже не говорю, что из 32 немецких школ только в 6-ти, не говоря о Кампенаусской и Дармштадтской, весьма немногие, только самые лучшие, ученики, но 5-ти и 6-ти лет учившиеся, были в состоянии сказать мне, о чем он читали из моей книги. Такие счастливые, исключительные минуты испытывал я в колониях: Гейбуден (учитель Гиберт), Рейхенберг (учитель Гейдеман), Мирау (учитель Вольф), Калченковке (учитель Ланге), Эйхвальде (учитель Вальтер), в Тиргартене (учитель Фрейштат). Повторяю, впрочем, что среди немецких колонистов есть меньшинство, которое скорбит о безотрадном состоянии школы. Считая училищный совет таким учреждением, от которого рано или поздно должен рассеяться мрак, его окружающий, и считая необходимым сверх того действовать в колониях исподволь, я имею честь предложить совету приобрести звуковую методику Винтерница (*Lesespiel von Winternitz*, цена 80 коп.; это руководство получило золотую медаль на Лондонской всемирной выставке), доступную и мало сведущим учителям, и выслать её в русскую школу в Грунау, для продажи учителям немецких колоний: так как немецкие школы не имеют ни одного попечителя-жертвователя, то мы не считаем совет уполномоченным затрачивать деньги русских жертвователей безвозвратно на немецкие школы; впрочем мне достоверно известно, что многие из учителей приобретут новую методику. Правда, что методика Винтерница не обучает письму, подобно нашей, но она значительно облегчает труд детей; не беда, если на первую вину будет кто-нибудь из учителей обучать одного или двух учеников украдкой, что дело пойдет не разом; по делу тронется с места, а к настоящей летаргии немецких школ мы не вправе относиться равнодушно.

...Продолжая сравнение обеих методов, в интересе дела в будущем, я должен еще доложить совету о наблюдениях, сделанных мною касательно того, насколько звуковое обучение содействует верности чтения; это в особенности заметно на обучении нерусских детей. Так, в колонии Кронсдорф, в присутствии учителя Ланга, местного шульца и многих колонистов, читали при мне по русски два сына колониста Шредера, присутствовавшего при испытании; оба были обучены в русской Грунауской школе, но один из них учился три месяца у учителя Неймана в Грунау, не употреблявшего звуковой метод, а другой обучался только один месяц у русского учителя в Грунау, г. Нейенданка, по звуковой методу; последний читал гораздо вернее первого. Ученик, обучавшийся по старому, слово „сам" прочел „зам", потому что первую букву слова ему называли „эс", а эта буква в начале немецкого слова всегда звучит как „зе"; ученик, обучавшийся по звуковой методу, не мог сделать подобной ошибки, так как первую букву того слова, которое поставило в туник брата, ему никогда не называли иначе, как „ссе"; он так ее и прочел, и прочел верно. Много подобных примеров мог бы я принести из своей практики.

б) Учебные пособия.

До сих пор говорили мы об учебных пособиях известной категории в русских школах; обратимся к немецким. В III участке нет ни одной колониальной школы, которая бы владела учебными пособиями: книги и всякие принадлежности покупаются каждым из отцов для учащегося дитяти особо; дело доходить в этом отношении до того, что в одной из колоний, я, пораженный тем, что 15-летняя девушка никогда в жизни не училась писать, спросил, отчего это происходит, и получил в ответ от учителя: „Она никогда не приносила с собой писчей бумаги". Из 32 колоний, в 9 католических каждый из учащихся читает по особой книге; так, например, один держит псалтирь, другой молитвенник, третий Евангелие, четвертый Библию, а не четыре состоят в одном классе; в остальных колониях, то есть, у меннонитов и лютеран ученики одного класса приносят все одну и ту же книгу. Из русских сельских школ видел я только одну, которая разнообразием лишь, терзающих учеников и терзаемых ими, напоминала немецкую школу в католической колонии. На сколько учебные пособия могут влиять на ход дела, можно усмотреть уж из того, что колониальные школы католиков, говоря вообще, отстали от колониальных школ меннонитов и лютеран: в последних достигают после многих лет хоть механического, машинального чтения и такого умения, писать, которое ни к чему не может пригодиться; в католических же колониях считают письмо каким-то высшим искусством, в которое не должна быть посвящена женщина, к в самом процессе чтения успевают чрезвычайно плохо. У меннонитов введено хоровое чтение по книге, хоровое чтение молитв, хоровое повторение таблички умножения. Так в колонии Гейбуден, после прочитанной хором молитвы пред роспуском детей из школы, стали хором говорить таблицу умножения, при чем учитель явился запевалой. В лютеранских колониях и католических все дети не читают разом в слух, как бывало в наших школах; там читает каждый про себя. Русский человек захотел увериться в том, учится ли ученик или балуется, а потому и заставил всех учеников школы кричать—каждого по своей книге. Немец понял, что крик слушать неприятно, и заставил детей читать по различным книгам, но не громко, а шепотом; но ни тот, ни другой, к сожалению, долго не соображали того, что в обоих случаях дети ровно ничему не учатся и совершенно без всякой для себя пользы запираются в училищный дом. Всего поразительнее то, что в истекающем учебном году, до педагогической беседы 28-го декабря, продолжала господствовать в русских школах система „выслушивания уроков" при чтении. Между тем дело так просто объяснено в руководстве: пусть один ученик за другим читают в слух, а все прочие следят в это время, про себя, по книгам. Учитель, для того чтоб увериться, следят ли ученики внимательно, приглашает непременно в разбивку то того, то другого ученика, продолжать чтение, именно с того слова, на котором остановился ученик, читавший

в слух; если только ученик не знает, откуда ему читать, значит, он зевал, и ему становится стыдно пред товарищами. Такою системою упражнения в чтении целого класса достигается то, что каждый ученик читает в день часа два, тогда как при выслушивании уроков ученик занять только в то время, когда с ним возится учитель, следовательно, читает 10 минут в день. Очевидно, что новая система в один месяц времени доставляет ученику такое же число часов чтения, какое доставляла старая система в 12 месяцев, так как 120 минут в 12 раз больше 10 минут. Возвращаемся к колониям. Общю чертою всех колоний без изъятия является то, что дети, по восьми лет обучающиеся, никогда ничего не читают в школе, кроме священных книг; мне случалось даже встречать, что дети 7 лет учили азбуку и склады по молитвеннику, начинавшемуся с Молитвы Господней, которую он уже знали наизусть при поступлении в школу. Вследствие того, что восемь лет с ряду дитя вращается безвыходно в одном и том же кругу понятий, где очень часто многое ему недоступно, возможны такие поучительные случаи, какой был со мною в колони Эллизабетсдорфе: дал я читать дитяти, три года обучающемуся, из книжечки Гофмана маленький рассказ о том, как рассеянная дочь, желая сварить отцу яйцо, вместо яйца бросила в воду часы. Рассказ начинается с того, что отцу захотелось съесть яйцо в всмятку. Я спрашиваю „Кто захотел съесть яйцо”? А мне отвечает несчастный мальчик: „Иисус Христос”. Неужели в таком обращении Священного Писания в простую книгу для чтения выражается набожность? Неужели не рациональнее, хоть изредка, читать в школе какую-нибудь книгу, могущую завлечь ребенка и занять его, и таким способом развить его голову на столько, чтобы слово Божье стало ей доступным? Казалось бы, что не трудно отвечать на такие вопросы, и многие колонисты совершенно согласны с нами, когда мы доказываем, что отнюдь не следует отказываться от чтения священных книг, по необходимо, кроме того, пользоваться и детскою книгою для чтения. Совершенно иначе думают многие другие колонисты, и если бы кто пожелал заводить новости у колонистов, то я отнюдь не советовал бы, не узнав броду, полезть в воду. Многое в этом отношении было испытано мною весною этого года, при объезде немецких колониальных школ. Я брал с собою чрезвычайно мило составленную книгу Эстля, для детей от четырех до восьми лет (*Veilehenkranz von Matthiä Estl* цѣна 1 руб. 50 коп.), написанную языком еще гораздо более легким, чем все книги Гофмана. Я думал, что буду верным проводником образа мыслей совета, если постараюсь ввести в мрачную и унылую тоскливость немецкой школы луч света и утешения для бедных детей, в виде поучительных и забавных рассказов, с раскрашенными картинками. Имея в виду, что немецкие школы не имеют попечителей жертвователей, я знаю, что я не в праве буду рассчитывать на снабжение немецких школ книгою для немецкого чтения на суммы совета; кроме того, я имел в виду, что колонистам не привыкать стать покупать книги. Вследствие этого почти во всех немецких школах, после самого безотрадного экзамена, пользовался я тою минутою, когда сельское начальство и посетители в недоумении о слышанных ими ответах детей покачивали головой и пожимали плечами, и объяснял им, что не бесполезно было бы, по временам, хоть изредка давать читать детям что-нибудь кроме Библии, которую читают в старшем классе, Евангелия, которое читают во втором классе, и катехизиса, который читают в младшем классе. В католических колониях преподаватели с восторгом относились к той мысли, чтобы в школе появилась одна общая для всей школы книга для чтения, и говорили мне, что они уже заявляли обществам о невозможности обучать при теперешней разноголосице. Во всех католических колониях и во многих из остальных записали заглавие книги Эстля, для того чтобы выписать ее для всех учеников школы; но не мало было и таких колоний, где церковные старосты, прямые начальники учителя, отвечали красноречивым молчанием на мои слова, а в колониях Викерау и Киршвальде удостоили меня красноречивого возражения. В первой из этих колоний церковный староста в ответ на мое предложение читать иногда что-нибудь, кроме священных книг, отвечал мне, что „по их убеждению в те восемь лет, которые дитя проводить в школе, никогда и ничто кроме слова Божьего не должно проникать в юные сердца”. В колонии Киршвальде один из присутствовавших при испытании колонистов сказал мне: „Мы не желаем этой книги, потому что пастор говорил нам, чтобы мы никогда не изменяли древнему христианскому учению”... Напрасно, однако, этот почтенный

руководитель школы ссылался на пастора; я виделся с пастором Гольфретером в Грунау и пастором Штраусом в Людвигстале, и оба не выразили ничего кроме сочувствия к моим усилиям—постепенно и с величайшею осторожностью ввести книгу для чтения в немецкие колониальные школы. Многие из церковных старост уже представили пастору те записочки, на которых была означена книга Эстля, и получили разрешение приобрести эту новинку для немецкой школы. Всякое педагогическое нововведение в школе немцы считают нововведением в религии и до такой степени упорно держатся старой школьной рутины, что бывали случаи, что сельские общества не принимали от пастора нового букваря, в замен букваря 1795 года, потому что на предлагаемой азбуке был нарисован черный петух, вместо красного, и потому что в нем встретилось слово „атмосфера”, — „слово крайне неблагочестивое”. В русской Грунауской школе книга Эстля уже приобретена, по моей рекомендации, для всех учащихся, на средства родителей.

3. Обучение письму.

Почти во всех школах вверенного мне участка ученики, еще не умеющие писать, и ученики, уже писавшие в прежней школе, обучены письму в самое короткое время. Там, где этого не могло быть сделано, потому что не случилось мне после этого распоряжения в школах видаться с преподавателями, — там старшие классы хуже младших, обученных по звуковой методе. Так, в Благодатном диктовал я ученику старшего класса слово „рассердился” и он написал „раседеса”, а учился он много лет прежде и обладал порядочным почерком. В Николаевке на Волновахе один из учеников старшего класса, обученный постарому, написал „поружися” вместо „ подружился “. Ручаюсь за то, что через неделю после произведенного испытания, в этих школах уже никто не делал подобных ошибок, так как учителя обещали мне переучить старшие классы по звуковой методе. Только в немецких колониях остается еще механическое ни к чему не нужное письмо; впрочем и там, в тех колониях, которые я объезжал прошлой весной, заведена диктовка: это уже большой шаг вперед и добрый пример, которому, вероятно, последуют остальные колония.

4. Обучение счету и учебные пособия.

До сих пор мы говорили только об обучении счету в русских школах: остается еще сказать хоть несколько слов о положении этой отрасли преподавания в большинстве немецких школ вверенного мне участка. Вот некоторые из относящихся сюда фактов. Лучшие ученики по арифметике, более 5 лет обучавшиеся в колониях Кейзерсдорфе (учитель Вебер), Клейн-Вердере (учитель Фенер), Рундевице и Шенбауме (учитель Шель), не умели написать 105, хотя мы экзаменовали только тех учеников, которых рекомендовал учитель; в Клейн-Вердере лучший ученик не умел даже механически вычесть 4 из 15. На вопрос мой пред испытанием, что пройдено из арифметики, мне всегда отвечали, что пройдены четыре действия и на числа до миллиона! Только к числу самих редких исключений принадлежат такие немецкие колониальные школы, лучшие ученики которых умели бы решать самые легкие практические задачи; кроме двух лучших школ, мною уже описанных, могу указать на школу в колонии Гейбудене (учитель Гиберт); во всех остальных школах ученики не имеют никакого понятия о практических задачах, хотя их везде упражняют в этом, по как? Это любопытно: в значительном большинстве школ нет печатного сборника задач, но существуют писанные сборники, переходящие из рода в род и весьма оригинально составленные. Я прошу представить себе весьма толстую тетрадь, на первой странице которой написано, например: „Если 1 пуд масла стоит 4 руб. 50 коп. сер., что стоит 15 пуд. 10 фунтов а за тем вся тетрадь состоит из задач, совершенно однородных, с изменением лишь чисел и названий: вместо масла является пшеница, овес, огурцы, картофель и т. и., но все задачи Щипаются умножением. Над такими задачами ученик сидит 3 или 4 года и вследствие этого до такой степени машинально свыкается с умножением, что если бы вы сказали ему: „на одной руке 5 пальцев и на другой 5

пальцев; сколько на обеих? то он мог бы отвечать только без арифметики, что их 10, а по арифметике непременно бы оказалось их 25, так как вследствие систематической дрессировки на умножении он непременно умножил бы пять па пять. Не приходилось нам видеть именно этого случая, но чрезвычайно много ему подобных: ученик, иногда по здравому смыслу, решал ничтожную задачку, но никогда не умел дать себе отчета в том, какими арифметическими действиями ее следовало бы решить. Многих учителей спрашивал я, не окажет ли им совет услуги высылкою сборника задач, и все отвечали, что они были бы за это весьма признательны; на этот раз и церковные старосты ничего не возражали против того, чтобы завелась в школе новизна — вместо письменного сборника печатный. Если совету угодно, то я мог бы снестись с компетентными лицами, приобрести сборник немецких задач и от имени совета выслать 35 экземпляров в русскую школу в Грунау, для продажи немецким учителям колоний.

5. Упражнения „Родного Слова” и наглядной обучении

Уже не раз упоминал я в отчет, что „упражнениями Родного Слова” мы называем обучение детей распределять всевозможные, окружающие их предметы, по разрядам. Так как в числе этих предметов названо г. Ушинским много животных и растений, то эти упражнения заменяют в нашей народной школ, по недостаточности учебных сил её, первоначальное ознакомление детей с природою. Эти упражнения могут, при некотором усердии учителя, приготовить ученика к тому, чтоб он был в состоянии понять легкую популярную статью о животных, особенно близких к крестьянину, ему особенно вредных или полезных.

...С прискорбием должен я указать впрочем на Рундевицкую русскую школу (учитель Нейман), где дело было близко к этому: на вопрос мой, что такое наволока (это слово названо в книге), все ученики отвечали по русски, что это белье; но когда я спросил, что значит наволока по немецки, то никто не мог мне сказать этого, никто в школе не понимал этого слова, а все его знали. Зная г. Неймана за способного преподавателя, я совершенно уверен в том, что уж никогда более не встречу ничего подобного в его школе.

...В истекшем учебном году уже испытана на деле польза наглядного обучения в двух школах вверенного мне участка. Во Времьевской школе преподавал по картинам, с которыми я только что имел честь познакомиться совет, и в русской Грунауэской школе обучали говорить по русски по картинам для наглядного обучения, Золотова. Картины Золотова не могут получить большого распространения как по своей дороговизне, так и потому что, содержа исключительно сцены из земледельческой и полевой жизни, представляют скорее пищу для обучения сельскому хозяйству, чего у нас исполнить не кому, чем для наглядного обучения вообще. В Грунауэской русской школе эти картины погону достигают цели, что облегчают знакомство с русским языком таким детям, которые с ним почти вовсе незнакомы: учитель ведет с учениками разговор на русском языке о тех предметах, которые изображены на картинах; такое обучение очень занимает детей.

Школьная дисциплина.

В старые годы сложился особый взгляд у крестьян и сельских учителей на школьную дисциплину, то есть, на то, как должны держать себя дети в школе и как должен обходиться с ними учитель. Этот взгляд лучше всего обрисовывается тою народною поговоркой, или тем народным обычаем, о существовании которого я узнал в Мангуте: отец, приводя вновь

поступающего ученики к учителю, говорит ему: „Старайся; душа его моя, а кости твои”. Это значит: „Учитель, старайся учить, не щади мальчика, хоть кости ему поломай, лишь бы душа в нем осталась и лишь бы он чему-нибудь научился”. Еще в 1866/67 учебном году такой взгляд на дело существовал не только в греческих, но и в русских селах и в немецких колониях. В настоящее время, со вступлением в дело совета, значительное большинство преподавателей вверенного мне участка (если не все) перестали руководствоваться этим взглядом; но сельское население еще не вполне доверчиво относится к этой перемене. Минувшею зимою мы не раз слышали, что крестьяне, видя детей веселыми в школе и замечая, что детей тянет в школу, говорили: „Что это за ученье, это игрушки!” Эти лица как будто начитались тех немецких педагогов, которые доказывают, что прежде всего в школе должно господствовать серьезное настроение, для того чтобы дети привыкали серьезно смотреть на жизнь; что ученье не должно быть облегчаемо, для того чтобы дети привыкали к труду; что учитель должен строго относиться к ребенку, для того чтобы дети приучались к исполнению долга. До сих пор еще не изменилось во вверенном мне участке отношение учителя к детям в немецких колониальных школах: там большинство учителей еще прибегает к палке и вероятно не редко, как можно судить по тому, что дети лет 14-ти не смеют не только рта разинуть, когда их о чем-нибудь спрашивают, по вместо ответа плачут, как это случилось в Розенбурге (учитель Эрнст). Жалко смотреть на немецкого мальчика, когда он встает для того, чтобы читать: руки у него дрожат до того, что он едва видит книгу; начинаете вы шутить с ним, он не ответит вам улыбкою, потому что „в школе нельзя смеяться”; похвалите вы его, или скажете ему, что вы ожидали от него лучшего ответа, ничего не выразит лицо дитяти, самолюбие не заговорит в нем; все забито школой, в которой он 8 лет проводит под палкою учителя, в которой он сидит одним годом дольше, чем в гимназии, для того чтобы решительно ничему не научиться. В одной из колоний, заметив, что дети держать себя не много свободнее чем в остальных, я сказал учителю, что такое явление чрезвычайно приятно и несомненно доказывает, что он ласковее других учителей обходится с детьми, что бьет он их реже, чем в прочих школах. На это отвечает учитель: „О да, мне случается даже иногда являться без палки в школу”. Итак, палка есть необходимая принадлежность учителя! Я говорил до сих пор о школьной дисциплине в большинстве колониальных школ, но должен указать на два счастливые исключения: в Кампенау (учитель Дрээр), в Дармштате (учитель Яков Фидлер) дети держат себя почти так же свободно, как и в русских школах, преобразованных советом. Пастор Штраус, вместе со мною, был поражен тем, как весело и непринужденно встретили нас дети в Дармштадте. Неужели случайность то, что Кампенау и Дармштадте обладают самыми лучшими немецкими школами? Конечно, нет. Глубоко убежден я в том, после 94 экзаменов, произведенных мною в истекающем году, и 40 экзаменов прошлого Года, что чем веселее дети, то есть, чем они охотнее учатся, тем больше успеха; мало ожидаю я хороших ответов от тех учеников, которых я застаю унылыми скучными, при вход в школу; при некоторой привычке к делу, настроение детей тотчас же бросается в глаза, и если я вижу детей робких, л смело заключаю о том, Что учитель не ласково с ними обходится. Когда я рассказывал одному из немецких учителей, что я сам свидетель, как мальчик зарыдал горькими слезами, вследствие того, что отец, по бедности своей, должен был объявить, что не оставит сына в школе на время посева,— когда я передавал об этом, то немецкий учитель отвечал мне: „Нет, у нас совершенно иные дети; они ждут освобождения от школы как избавления”. Итак, „дети иные”, а не иное ли только обращение с детьми и не иное ли обучение? Для того, чтобы объяснить совету, на какую ногу поставлены, по отношению к школьной дисциплине, дети во многих школах вверенного мне участка, и тем самым отдать на суд немецких педагогов не только преподавателей, но и самого себя, я приеду лишь Два примера. 11-го ноября 1867 года я прибыл во Времьевскую школу, и желая потешить учеников, предложил прочесть им хорошую сказочку из „Родного Слова”, которое ими тогда только что было взято в руки (дети поступили совершенно неграмотными 6-го октября). Дети отвечали: „уж не про козлика ли?” Интересуясь расследовать причину вопроса детей, я отвечал: „Да, про козлика; а разве вы её знаете?” „Знаем, знаем”, отвечали многие. Оказалось, что многие в те обеденные часы, на

которые прекращается ученье, отыскивали сказку про козлика в книге и не только читали ее, но уже знали наизусть. „Мирошниченко умеет петь эту сказку”, говорили многие и по первому же приглашению моему ученик Мирошниченко пропел при всех: „Жил был у бабушки серенький козлик и проч. Не произведет ли такой случай скандала в кругу тех педагогов, которые, не зная человеческого сердца, воображают себе, что палкою воспитывается уважение к старшим и страх Божий и скукою в школе развивается гражданское чувство в дитяти и привычка к труду? Я совершенно уверен, что действовал в духе убеждений училищного совета, когда доказывал учителям, что для успеха дела дети должны прежде всего полюбить учителя (без палки), и полюбить школу, которая должна привлекать, а не запугивать детей. Расскажу другой случай, обрисовывающей положение школьной дисциплины во многих школах вверенного мне участка. Это было в Ивановской школе, куда я прибыл на сырной недели. Учитель 11. М. Михайловский спросил моего мнения, распустить ли учеников погулять на последние дни масляной или нет. Я в свою очередь спросил его, не слышал ли он, чего желают ученики — погулять, или учиться? Не успел я этого сказать, как за спиной моей послышался голос „гулять” и потом вслед за тем другой голос „учиться”.

В это время был я в старшем отделении; сейчас же стал я отбирать голоса, замечая на бумаге: каждый ученик обоих отделений школы совершенно свободно и чистосердечно выражал свое мнение — кто говорил „учиться”, а кто — „гулять”; оказалось в результате, что голоса разделились поровну, я же присоединил свой голос к числу голосов, поданных в пользу того, чтобы „погулять”, так как оставалось всего два учебных дня до заговенья. Мне кажется, что такое состояние школы делает величайшую честь наставнику. Само собою разумеется, что веселое и непринужденное обращение учеников отнюдь не исключает порядка в школе: во всех без изъятия школах вверенного мне участка строго соблюдается, чтобы вся школа вставала при вход посетителя, хотя бы то был крестьянин; ученик, отвечающий на вопрос, всегда отвечает стоя; учитель следит внимательно за тем, чтобы дети, отвечая на вопрос, держали себя прилично, не играли руками, не чесали в голове (довольно распространенная привычка) и т. п. Я старался внушать учителям, чтоб ученики не подсказывали друг другу, так как такая привычка детей обыкновенно сильно мешает успеху преподавания. Трудно представить себе, до какой степени распространена привычка подсказывать в немецких колониальных школах: тот же самый ученик, который ни одного слова не вымолвить и пожалуй разрешится, если обратитесь к нему, усердно подсказывает, и очень часто вздор, своему соседу, к которому вы обращаетесь. Нельзя сказать, чтоб и в русских школах III участка не встречалась эта чрезвычайно вредная для дела привычка детей. Я считаю привычку подсказывания такую важную помехою в преподавании, что покорнейше прошу совет в дополнении к инструкции обратить на это внимание преподавателей.

Отношение сельского населения к школе.

б) Если принять во внимание, что ассигновка той или другой суммы в пользу школы зависит от доброй воли общества, которое в праве не дать и ни гроша на нее, то число рублей, платимых крестьянами на школу, становится довольно верным мерилем для оценки того, насколько школа нужна, по их понятиям; поэтому обратимся к той участковой ведомости, о которой шла речь во введении к отчету. Эта ведомость докажет, что средним счетом русское село расходует на школу 175 руб. сер.; греческое село 418 руб. сер.; немецкая колония (не считая русских школ) около 88 руб. сер. Средним счетом на ревизскую душу причитается расхода на школу у колонистов 43 к., у Греков 35 к. и у русских крестьян 21 к. сер.; наконец, наименьшей расход на школу в русском селе (всего один случай) 60 руб., в греческом 200 р.: (один случай), в колонии 38 руб. (один случай); наибольший расход в русском селе на школу 300 руб., в греческом 600 руб. и в колонии 275 руб. сер.

Если принять во внимание все состоявшаяся ассигновки по III училищному участку, то окажется, что всего предположено крестьянами, вовсе к тому не обязанными, издержать на школы в одном участке уезда 12.435 руб. сер., то есть, средним счетом на каждую Из школ, содержимым теми обществами, которые это делают добровольно, по 280 руб. Если прибавить к этой сумме расход колонистов на русские школы и считать при этом школу в Большом Вердере, которая на этих днях откроется (всего 1.270 руб. сер.) и на каждого из 61 учителей и учительниц положить только по 4 четверти хлеба (то есть, по 20 руб. сер.), то окажется, что крестьяне по собственной доброй воли предположили издержать в этом году на школы в III училищном участке 14.725 р. сер....

Барон Н. Корф

ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ **Декабрь 1870г. Часть 152**

Извлечение из отчета барона Н. А. Корфа о школах III-го участка Александровского уезда Екатеринославской губернии, за 1869/70 год

...Русские школы в немецких колониях в истекшем году потерпели урон: школа в Грунау закрылась совсем, а школа в Гросс-Вердере едва существует. Обучение в первой школе (учитель Нейенданк) шло довольно успешно и школа закрыта не по вине учителя; успехи второй школы слабее...